

Утраченная пьеса Достоевского «Мария Стюарт» (материалы к реконструкции замысла)

В. А. Викторovich

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Российская Федерация)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Аннотация. Реконструкция первого литературного опыта Достоевского — утраченной драмы «Мария Стюарт» — предполагает выявление и анализ источников замысла. В результате проведенных изысканий была выстроена гипотетическая цепь событий. В 1838 (по другим данным в 1835) году Достоевский впечатлился спектаклем «Мария Стюарт» в Александринском театре с А. М. Каратыгиной в главной роли: созданный актрисой образ королевы-страдалницы совместился с чтением как трагедии Шиллера «Мария Стюарт», так и романа Вальтера Скотта «Аббат». Затем при изучении «исторических данных» о «жизни и казни» Марии Стюарт в кругозор начинающего писателя попало четырехтомное русское собрание документов о ее биографии 1809 г. и французско-русское издание 1839 г. открытых А. Я. Лобановым-Ростовским в архивах писем Марии Стюарт, ее завещания и отчета о казни. В 1839–1840 гг. вышла беллетризованная биография «преступной» королевы, составленная Александром Дюма. В его версии образ Марии Стюарт двойся: наряду с героическим началом характера выступила тема греховной страсти. Раздвоение образа усилил в своем очерке 1841 г. Филарет Шаль, сделавший также акцент на религиозных мотивах развернувшейся исторической драмы. Достоевский, осмысливая в 1839–1842 гг. все эти повороты европейской и русской историографии, мог взять за основу своей пьесы не получивший продолжения у Шиллера диалог кормилицы и Марии в четвертом явлении первого действия его трагедии о соотношении вины и ответственности. У Шиллера Мария Стюарт — заглавная героиня, но не единственная главная, более того, тема Елизаветы во многом перетянула на себя драматургический интерес. Достоевский, скорее всего, сосредоточился на внутренних коллизиях «гигантского характера», поставленного им в ряд героинь Расина (прежде всего «шекспировского очерка» Федры): Мария соединила в себе твердость духа перед лицом страданий и самой смерти со вселием страсти, сопровождаемой мучениями совести. Продолжить Шиллера позволили освоенные русским автором «исторические данные», на которые намекал Ризенкамф. В статье выявлен и проанализирован круг этих данных, открывавших Достоевскому глубинные коллизии европейской истории в лице одного из культовых ее персонажей.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Мария Стюарт, Ф. Шиллер, В. Скотт, А. Дюма, Ж. Расин, Ф. Шаль, источники, реконструкция замысла

Благодарность. Исследование выполнено в Государственном социально-гуманитарном университете (ГСГУ) при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-00699 («Новое о Достоевском: реконструкция ранней биографии и творчества в междисциплинарном исследовании») [Электронный ресурс]. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>.

Для цитирования: Викторovich В. А. Утраченная пьеса Достоевского «Мария Стюарт» (материалы к реконструкции замысла) // Неизвестный Достоевский. 2023. Т. 10. № 4. С. 55–101. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7021. EDN: МНСКVU

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2023.7021

EDN: MHCKVU

Dostoevsky's Lost Play "Mary Stuart" (Materials for the Reconstruction of the Idea)

Vladimir A. Viktorovich

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru

Abstract. The reconstruction of Dostoevsky's first literary experience — the lost drama "Mary Stuart" — involves the identification and analysis of the sources of the idea. As a result of the conducted research, a hypothetical chain of events was built. In 1838 (1835, according to other sources), Dostoevsky was impressed by "Mary Stuart" at the Alexandrinsky Theater with A. M. Karatygina in the title role: the image of the suffering queen created by the actress was superimposed on the reading of both Schiller's tragedy "Mary Stuart" and Walter Scott's novel "The Abbot." Russian collection of her biographical documents, published in 1809 and the 1839 French-Russian edition of letters of Mary Stuart, her will and the report on the execution discovered by A. Ya. Lobanov-Rostovsky in the archives, came into the view of the novice writer when he was studying the "historical data" about the "life and execution" of Mary Stuart. In 1839–1840, a fictionalized biography of the "criminal" queen, compiled by Alexandre Dumas, was published. In his version, the image of Mary Stuart is twofold: along with the heroic beginning of the character, the theme of sinful passion emerged. The bifurcation of the image was reinforced in the 1841 essay by Filaret Shal, who also emphasized the religious motives of the unfolding historical drama. Comprehending all these turns of European and Russian historiography in 1839–1842, Dostoevsky could use as the basis of his play the dialogue of the nurse and Mary in the fourth scene of the first act of his tragedy about the correlation between guilt and responsibility, which Schiller did not continue. For Schiller, Mary Stuart is the title character, but not the only main one, moreover, the theme of Elizabeth in many ways attracted dramatic interest. Dostoevsky most likely focused on the internal collisions of the "gigantic character," whom he placed in a line of Racine's heroines (first of all, the "Shakespearean essay" by Phaedra): Maria integrated the firmness of spirit in the face of suffering and death itself with the omnipotence of passion, accompanied by torments of conscience. The "historical data" that Riesen-kampf hinted at, mastered by the Russian author, allowed to continue Schiller's creative work. The article identifies and analyzes a range of these data that revealed the deep collisions of European history embodied in one of its iconic characters to Dostoevsky.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Mary Stuart, F. Schiller, V. Scott, A. Dumas, J. Racine, Ph. Chasles, sources, reconstruction of the idea

Acknowledgments. The reported was carried out at the State Social and Humanitarian University with the financial support of the Russian Science Foundation (project no. 23-28-00699, "New About Dostoevsky: Reconstruction of Early Biography and Works by Interdisciplinary Research". Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-00699/>).

For citation: Viktorovich V. A. Dostoevsky's Lost Play "Mary Stuart" (Materials for the Reconstruction of the Idea). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2023, vol. 10, no. 4, pp. 55–101. DOI: 10.15393/j10.art.2023.7021. EDN: MHCKVU (In Russ.)

Начало творческого пути писателя до выхода в свет его первых произведений вызывает особый интерес исследователя: это время пробуждения дарования, выбора направления, по которому двинется новый автор. Чаще всего именно этот период биографии художника остается невидимым для посторонних глаз и таит труднодостижимые тайны. Здесь неизбежны версии гипотетического свойства. Научная гипотеза — вполне законный инструмент в руках исследователя биографии и творчества художника при обязательном условии обоснованной аргументации. Степень коррелятивности и системной полноты предлагаемых аргументов и определяет в конечном счете состоятельность того или иного предположения. Следуя этому правилу, мы приступаем к научной — неизбежно гипотетической — реконструкции утраченных первых опытов Достоевского.

1

Известно, что еще до перевода «Евгении Гранде» и работы над романом «Бедные люди» Достоевский сочинял пьесы: «Мария Стюарт», «Борис Годунов», «Жид Янкель». Литературно-театральный дебют так и не состоялся, все три драмы бесследно исчезли («может быть Достоевский самъ забылъ о тѣхъ путяхъ, по которымъ направилъ рукописи» [Случевский: 7]), но кое-какие отзвуки до нас дошли. Из мемуаров А. Е. Ризенкампа известно, что 16 февраля 1841 г. в кругу друзей, собравшихся на прощальном вечере Михаила Михайловича Достоевского, Федор Михайлович впервые прочел отрывки из пьес «Мария Стюарт» и «Борис Годунов», работа над которыми продолжалась¹. Старший брат долгое время возлагал большие надежды на эти опыты, о чем писал П. А. Карепину 25 сентября 1844 г.:

«Я читал, с восхищением читал его драмы. Нынешней зимою они явятся на петербургской сцене»².

Кстати говоря, основываясь на столь высокой оценке М. М. Достоевского, мы можем предположить, что пьесы его брата были написаны прозой, т. к. позднее Михаил Михайлович вынес ему категорический приговор: «Стихи

¹ Ризенкампф А. Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Первая полная публикация / подгот. Б. Н. Тихомировым // [Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: 217–218]. По утверждению мемуариста, обе названные пьесы так и не были закончены [Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: 221].

² Достоевский в неизданной переписке современников / ст., публ. и комм. Л. Р. Ланского // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. С. 365. (Сер.: Литературное наследство; т. 86.)

не твоя специальность»³. Наше предположение косвенно подтверждает тот же мемуарист, знакомый с утраченными пьесами:

«...он [Достоевский] любил поэзию страстно, но писал только прозою...»⁴.

Что восхищение старшего брата драматургией младшего не было дипломатической уловкой для недоверчивого опекуна, как полагают некоторые биографы (см.: [Битюгова: 423], [Сараскина: 114]), доказывает фраза в письме Федора к Михаилу 30 сентября 1844 г.: «Ты говоришь, спасение мое драма». Далее высказывалось сомнение прагматического свойства («Да ведь постановка требует времени. Плата также») и тут же сообщалось о резком развороте начинающего писателя в другую сторону:

«У меня есть надежда. Я кончаю роман в объеме “Eugénie Grandet”. Роман довольно оригинальный. Я его уже переписываю...»⁵.

Речь, как мы понимаем, идет о первой редакции романа «Бедные люди». Что интересно, писатель при этом не отказывается и от ранее написанного: «...драму поставлю непременно. Я этим жить буду» (ДЗ0; т. 28₁: 100), — очевидно, имея в виду поспектакльную плату драматургу, что говорит о тогдашней достаточно высокой оценке своего труда. 3 октября того же 1844 г. Михаил вновь писал Карепину о литературных успехах брата, настоятельно повторив свою оценку пьес:

«...он кончил прекрасный роман и две драмы, которые, уверяю вас, удивительны»⁶.

Первый шаг к научной реконструкции творческих замыслов начинающего писателя в 1921 г. сделал М. П. Алексеев. Исследователь предположил, что «Марию Стюарт» и «Бориса Годунова» «сближает некоторое единство драматической коллизии: здесь и там — проблема власти, разрешенная на широком историческом фоне. Центральные лица этих замыслов — власти-тели: Годунов, убивший Дмитрия, и Елисавета, казнящая Марию Стюарт» [Алексеев: 49–50]. Схожую версию предложил Л. П. Гроссман: «Молодого драматурга, видимо, привлекает проблема преступного владычества и самозванства, воплощенная в крупных характерах прошлого», конкретно в «Борисе Годунове» — «право сильной личности переступить через кровь во имя всеобщего блага», а в «Марии Стюарт» — «соперничество двух героинь, охваченных неукротимой ненавистью» [Гроссман: 36]. Схема

³ Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. / под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. Т. 1: 1832–1867. С. 529.

⁴ Ризенкамф А. Е. Воспоминания... С. 204.

⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 100. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения ДЗ0 и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

⁶ Достоевский в неизданной переписке современников. С. 368.

предлагаемой обоими авторами мысленной реконструкции проста: мотивы позднего Достоевского переносятся на отсутствующий текст, и тот является перед нами предвестником или даже двойником текста известного⁷. Двигаясь в том же русле, И. Л. Волгин находит нечто общее в обоих указанных замыслах, в «намерениях» их автора, предвещающих будущего Достоевского: «преступление как двигатель сюжета» [Волгин: 329].

Попытки виртуальной реконструкции утраченных произведений писателя обратным ходом от позднего творчества к раннему, от известного к неизвестному при всей их вариативности нам представляются перспективнее для исследовательской практики, нежели замыкание темы на констатации «влияния» и следования авторитетам. Так, расхожим стало утверждение: «Молодой Достоевский пытается написать, в подражание Шиллеру, трагедию "Мария Стюарт" и, в подражание Пушкину, — трагедию "Борис Годунов"» [Кирпотин: 72]. Высказывались другие соображения в том же ключе: «Влияние Шидловского, сочинявшего драму "Мария Симонова", увлечение Шиллером и Пушкиным и преклонение перед актером Самойловым достаточно объясняют происхождение этих набросков» [Мочульский: 20].

Театральные впечатления вкупе с влиянием И. Н. Шидловского (указанная драма его сочинения неизвестна) акцентировал еще М. П. Алексеев. На первый из этих источников вдохновения начинающего писателя указывал мемуарист:

«На немецком театре⁸ выдавались тогда двое: г. Кунст и г-жа Лилла Лёве. Впечатление, произведенное последнею актрисою на Федора М<ихайлови>ча в роли Марии Стюарт, было до той степени сильно, что он решился разработать этот сюжет для русской сцены...»⁹.

Это указание, впрочем, было подвергнуто сомнению дотошным исследователем: «Лилла Лёве — одна из талантливейших немецких артисток. Но мы не располагаем доказательствами, что в ее репертуар входила роль шиллеровской Марии Стюарт. Пьеса эта в Немецком театре в ту пору не шла. <...> В немецких биографиях Лиллы Лёве также нет указаний на ее выступления в роли Марии Стюарт» [Гозенпуд: 43]¹⁰. «Аберрацией памяти» объясняет ошибку мемуариста Б. Н. Тихомиров, поставив задачу перед исследователями: «Значит, обращение писателя к образу шотландской королевы было

⁷ Ср.: «...от первых литературных замыслов Достоевского ясно различимые нити тянутся к проблемам "Преступления и наказания" и "Братьев Карамазовых"» [Алексеев: 46].

⁸ Имеется в виду немецкая труппа, выступавшая на сцене Михайловского театра Петербурга.

⁹ Ризенкамф А. Е. Воспоминания... С. 219.

¹⁰ См. там же и отрезвляющие соображения (вслед за А. С. Долининым) относительно участия В. В. Самойлова в «происхождении» театральных опытов Достоевского [Гозенпуд: 37–38].

вызвано какими-то другими впечатлениями, которые еще предстоит установить» [Тихомиров: 35].

Можно предположить, что Ризенкампф все же верно указал на театральные впечатления юного Достоевского как на первоначальное в формировании интересующих нас драматургических опытов, только он контаминировал в своей памяти разные явления, что не редко в мемуаристике: сильное впечатление от игры Лиллы Лёве в каких-то других спектаклях (возможно, также по Шиллеру: принцесса фон Эболи в «Доне Карлосе» и Луиза в «Коварстве и любви») и впечатление от игры русских актеров в спектакле по пьесе Шиллера «Мария Стюарт», шедшем на сцене Александринского театра в октябре — ноябре 1834 г., а затем в 1838 г. — 2 и 7 ноября, в 1844 — 27 сентября и 17 октября [История...: 273]. Достоевский мог еще увидеть эту постановку, привезенную петербуржцами в Москву на бенефис Д. Орлова 3 мая 1835 г. [История...: 273], ведь водили же его на «Разбойников» с Мочаловым еще в 10-летнем возрасте (Д30; т. 30;: 212), а московская «Мария Стюарт» вызвала тогда особый интерес театральной публики, поскольку в этом спектакле первый раз сошлись на одной сцене два ее кумира, вечные соперники Мочалов (Мортимер) и Каратыгин (Лейстер). Еще более вероятными представляются нам петербургские ноябрьские спектакли 1838 г., потому что это то самое время, о котором год спустя Достоевский писал брату: «Прошлую зиму я был в каком-то восторженном состоянии. <...> Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им...», — и при этом особо выделил Мортимера, пламенного обожателя Марии Стюарт в шиллеровской трагедии (Д30; т. 28;: 69). В спектакле, который мог видеть Достоевский, блистали А. М. Каратыгина (Мария Стюарт) (см. Илл. 1) и В. А. Каратыгин (Лейстер). Образ королевы в исполнении Каратыгиной был «проникнут сдержанным страданием, королевским и человеческим достоинством, мужественной покорностью судьбе» [Кудряшева: 21] (чувства, особенно близкие тогда Достоевскому, судя по письмам к брату). Еще одно качество актрисы способствовало ее проникновению в роль — ее собственная и редкая для профессии «образованность»¹¹, аутентичная играемому историческому персонажу.

Рецензент «Северной пчелы» так передавал свои впечатления от пьесы:

«Исторія несчастной Королевы Шотландской, кажется, создана, будто нарочно, для трагической музы <...>. Злополучная Марія окружена въ послѣдніе часы свои всѣмъ блескомъ королевскаго сана, всею прелестію твердости, красоты, страданія. Вы невольно плачете о ней въ ту минуту, когда она прощается со своими служителями и съ міромъ; вы жалѣете и скорбите объ ней, но въ то время тайный голосъ смягчаетъ въ душѣ зрителя горечь роковаго жребія

¹¹ В. В. В. <Строев В. М.> Біографія Александры Михайловны Каратыгиной. СПб.: Въ тип. М. Д. Ольхина, 1845. С. 22.

несчастной Королевы, и онъ, въ благоговеніи къ Промыслу, безмолвствуетъ предъ небесною карою, показывающею заблужденія этой женщины; онъ видитъ, что голова Маріи падаетъ какъ искупительная жертва — и ропоть негодованія замираетъ на устахъ его. Судъ неба строгъ, но правдивъ. Въ *Маріи Стюартъ* Шиллеръ остался поэтомъ Христіанскимъ и чисто современнымъ; онъ усладилъ послѣдній часъ злополучной Королевы чувствомъ религіознымъ, которое одно могло быть достойнымъ посредникомъ между этою бурною жизнію и ея ужасною кончиною; но въ возвышенности идеи и въ силѣ впечатлѣнія, поэтъ приблизился къ духу древней трагедіи, передавъ величавую, строгую красоту Греческой музы»¹².

Илл. 1. Портрет А. М. Каратыгиной в роли Марии Стюарт¹³

Fig. 1. Portrait of A. M. Karatygina as Mary Stuart

¹² Александринскій и Михайловскій театры // Сѣверная Пчела. 1838. 2 дек. № 274.

¹³ В газете «Северная Пчела» было опубликовано объявление: «На дняхъ поступитъ въ продажу прекрасно литографированный и весьма сходный портретъ отличной нашей артистки А. М. Каратыгиной, въ роли Маріи Стюартъ. Онъ сдѣланъ тѣмъ же самымъ

Рецензент отметил некоторый недостаток постановки:

«Г-жи Каратыгина и Брянская очень старательно декламировали свои роли (Марии и Елисаветы), но не *играли*. Между этими словами находится огромная разница, которую теперь начали понимать просвѣщенные зрители: они требуютъ отъ артистовъ *натуры*, т. е. игры, а не *притворства*, т. е. декламации»¹⁴.

Как свидетельствовал другой рецензент, пьеса, поставленная в сезон 1834–1835 г., «произвела гораздо болѣе впечатлѣнія и привлекла въ Александринскій театр болѣе порядочную публику. Роль несчастной Шотландской королевы очень удалась А. М. Каратыгиной; сцена свиданія съ Елисаветою разшевелила зрителей»¹⁵. Роль Марии Стюарт стала одной из самых любимых в репертуаре великой актрисы, так что завершая карьеру, она для прощального спектакля 17 октября 1844 г. выбрала именно эту пьесу¹⁶.

Вероятно, игра Каратыгиной «расшевелила» близкого к театру Н. В. Кукольника и сподвигла на создание поэмы «Мария Стюарт», оставшейся незаконченной, но отрывки из которой поэт напечатал в 1839 г.¹⁷, т. е. когда вызревал и замысел Достоевского. Основной мотив поэмы — безумная любовь трубадура Риццио к королеве, прототипом послужил ее секретарь Риччо, о трагической судьбе которого сетует шиллеровская Мария Стюарт. Написанный Кукольником романс Риццио «Кто она и где она» был положен на музыку М. И. Глинкой и начинал его популярнейший цикл «Прощание с Петербургом»¹⁸.

художникомъ [В. И. Гау], который подарилъ уже насъ портретами Г-жи Степановой (въ роли Пеки) и В. А. Каратыгина (въ роли Гамлета). Желающіе могутъ его получить въ магазинѣ Юнкера, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви» (Сѣверная Пчела. 1838. 21 нояб. № 264).

¹⁴ Александринскій и Михайловскій театры.

¹⁵ Вольфъ А. И. Хроника петербургскихъ театровъ съ конца 1828 до начала 1855 года. СПб.: Тип. Р. Голике, 1877. Часть I. С. 39.

¹⁶ В. В. В. <Строев В. М.> Биографія Александры Михайловны Каратыгиной. С. 21.

¹⁷ Кукольникъ Н. Распутіе. Пѣснь Рицціо. Изъ поэмы: «Марія Стюартъ» // Утренняя Заря. Альманахъ на 1839 годъ, изданный В. Владиславлевымъ. СПб.: Въ тип. Е. Фишера, 1839. С. 162–163; Он же. Eхordium <начало — лат.> изъ большой романтической поэмы: «Марія Стюартъ» // Там же. С. 367; Он же. Прогоулка Маріи Стюартъ, въ С. Жерменскомъ паркѣ (Глава VIII изъ большой романтической поэмы: *Давидъ Рицціо*) // Новогодникъ, собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ, современныхъ русскихъ писателей, изданный Н. Кукольникомъ. СПб.: Въ Тип. А. Плюшара, 1839. С. 43–56. В 1843 и 1844 г. Кукольник напечатал еще два отрывка из поэмы, всего же к 1839 г. было написано 12 частей, оставшихся в основном в архиве поэта (см.: Поэты 1820–1830-х годов / биогр. справки, сост., подгот. текста и примеч. В. С. Киселева-Сергенина, общ. ред. Л. Я. Гинзбург. Л.: Советский писатель, 1972. Т. 2. С. 747–748. Сер: Библиотека поэта).

¹⁸ Прощаніе съ Петербургомъ. Романсы и пѣсни. Слова Н. В. Кукольника, музыка М. И. Глинки. СПб.: Музыкальный Магазинъ «Одеонъ», 1840. Кукольник в печатном отклике заявил: «Первымъ произведеніемъ [цикла] былъ романсъ *Давида Рицціо*, изъ много-стиховной моей поэмы, которую я такъ крѣпко люблю, что не могу окончить... Глинка украсилъ его такую наивною, очаровательною музыкой, что романсъ Рицціо, сталь

В театральном контексте нельзя не упомянуть еще и дошиллеровскую трагедию «Мария Стюарт», сочиненную в 1783 г. популярным тогда немецким писателем К. Г. Шписом и затем переработанную им для второго издания¹⁹. Она повествовала о неудавшейся попытке освобождения Марии герцогом Норфолком, расплатившимся жизнью за любовь к непобежденной узнице. Трагедия имела свои достоинства (см.: [Макаров, Киричук]) и в переделке А. И. Шеллера (неопубликованной) шла в Петербургском Императорском театре в 1810, 1829, 1830 и 1833 гг. [История...: 273]. В ней блистала «царица сцены» Екатерина Семенова, известная Достоевскому только по театральным легендам, но от нее многое перешло к ее «наследнице» — упоминавшейся выше Каратыгиной — по собственному признанию последней. Нельзя совершенно исключить знакомства Достоевского с этой, более камерной, чем у Шиллера, пьесой в немецком оригинале, хотя вероятность такого знакомства очень невелика. Трагедия Шписа тем не менее поспособствовала формированию притягательного образа «русской» Марии Стюарт, благодаря воздействию на зрителя прославленной актрисы, вошедшей в предания.

Эффект «облечения» театром, как мы полагаем, стал для начинающего писателя важнейшим творческим катализатором, но были и другие значимые возбудители.

Предварительно заметим, что трагедия великого драматурга, скорее всего, была известна Достоевскому на языке оригинала. По утверждению А. Г. Достоевской (см.: [Библиотека: 241]), в 1870-е гг. в библиотеке Достоевского был двухтомник: Schiller's sämtliche Werke in zwei Bänden. Paris: F. Loquin, 1836²⁰. В 1830–1840-е гг. в руках Достоевского могло быть однотомное издание, более ходовое: Schiller's sämtliche Werke in einem Bande. Stuttgart and Tübingen: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1834²¹ (издание выходило также в 1830-м и 1840-м гг.) (см. Илл. 2). Если учесть, что Шиллера в оригинале братья Достоевские начали читать задолго до поездки в Петербург в мае 1837 г., то вариант однотомника 1834 (или 1830) года представится более предпочтительным. Издание это носило энциклопедически-просветительский характер: на 1305 страницах были представлены все жанры (стихи, проза, статьи, драмы, переводы, письма), каждый в хронологической последовательности, в начале книги был портрет с мраморного бюста Шиллера, а в конце — биография писателя.

для меня еще дороже» (Кукольникъ Несторъ. Прощаніе съ Петербургомъ... // Художественная Газета. 1840. № 17. 1 сентября. С. 10).

¹⁹ Spiess Ch. H. Marie Stuart: ein Trauerspiel in fünf Aufzügen. Neue, ganz veränderte Auflage. Prag und Leipzig: bei Albrecht und Compagnie, 1792 (Шпис К. Г. Мария Стюарт. Трагедия в 5 действиях. Новое, совершенно переработанное издание. Прага и Лейпциг: Альбрехт и компания. — нем.).

²⁰ Schiller's sämtliche Werke in zwei Bänden. Paris: F. Loquin, 1836 (Собрание сочинений Шиллера в двух томах. Париж: Ф. Локен. — нем.).

²¹ Schiller's sämtliche Werke in einem Bande. Stuttgart and Tübingen: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1834 (Собрание сочинений Шиллера в одном томе. Штутгарт и Тюбинген: Издательство книжного магазина И. Г. Котта. — нем.).

В распоряжении Достоевского мог оказаться и единственный на долгие годы полный русский перевод А. А. Шишкова²², по которому и был поставлен упоминавшийся спектакль Александринского театра. Достоевский, возможно, невысоко ценил этот перевод (нельзя исключить, что он и не знал про его публикацию), т. к. летом 1844 г. настойчиво рекомендовал брату Михаилу взяться за перевод «Марии Стюарт» в числе других произведений Шиллера (ДЗ0; т. 28₁: 90).

Илл. 2. Титульный лист собрания сочинений Шиллера 1834 г.

Fig. 2. Title page of Schiller's collected works of 1834

²² Избранный нѣмецкій театръ. Переводъ Александра Шишкова 2. Томъ второй, содержащій въ себѣ трагедіи: 1) Марія Стюартъ въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Шиллера, и 2) Князя Хованскіе, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Раупаха. М.: Въ Университетской Типографіи, 1831. Перевод «Марии Стюарт» Шишкова включался в собрания сочинений Шиллера, издававшиеся Н. В. Гербелем начиная с 1857 г. и до шестого издания 1884 г. — до появления нового перевода П. И. Вейнберга. Печатался перевод Шишкова также в «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина (1888 и 1893 гг.). В конце XIX в. стали издаваться и другие переводы.

Существовала еще французская переделка Шиллера (1820), сочиненная П.-А. Лебреном, переведенная на русский язык и опубликованная Н. Ф. Павловым²³. Она была поставлена в Московском императорском театре в 1825 г. как раз накануне событий 14 декабря, но после двух представлений сошла со сцены и вряд ли была известна Достоевскому. Да и ценность ее ввиду двойного «приспособления» — французского и русского — оставляла желать лучшего²⁴.

Шиллер выстроил сюжет на противостоянии двух сильных женских характеров — английской королевы Елизаветы и ее узницы — шотландской королевы Марии. Упоение властью, соединенное со страхом потерять ее (ведущим к подлому замыслу тайного убийства, не состоявшегося лишь в силу благородства предполагаемых исполнителей), терзающие комплексы собственной неполноценности, соединенные с лютой женской ревностью к красоте и обаянию соперницы, — вот неполный перечень составных частей драматического характера шиллеровской Елизаветы. На другом полюсе в характере Марии борются искреннее желание смириться и столь же искреннее негодование поправленного королевского и человеческого достоинства. В сочиненной драматургом (не бывшей в реальности) кульминационной сцене встречи двух великих женщин (д. 3, явл. 4) они обе не смогут удержаться от оскорблений, причем инициатива принадлежит сильнейшей, Елизавете, не принявшей предложенного Марией слишком *идеального* варианта — сказать слабейшему: «Ihr send frei, / Maria! Meine Macht habt Ihr gefühlt, / Jetzt lernet meinen Edelmuth verehren»²⁵ («Мария! Мощь мою узнала ты, / Узнай теперь, сколь я великодушна!»)²⁶. Она отвергает его во имя

²³ <Лебрен Пьер-Антуан>. Мария Стюартъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Переведена съ Французскаго Н. Павловымъ. Представлена въ первой разъ на Императорскомъ Московскомъ Театрѣ 27 Ноября 1825 года. М.: Въ типографіи Августа Семена, при Императорской Медико-хирургической Академіи, 1825.

²⁴ В архиве Дирекции императорских театров сохранилась любопытная переписка театрального начальства, свидетельствующая о конкуренции в 1827–1828 гг. двух указанных выше пьес под общим названием «Мария Стюартъ», Шписа и Лебрена-Павлова, закончившаяся победой Шписа (РГИА. Ф. 497. № 3530. Л. 1–5). Упомянем еще об одном театральном событии — постановке в ноябре 1844 г. на сцене Александринского театра драмы в 3-х действиях П. П. Каменского «Давидъ Кленгоръ, шутъ Маріи Стюартъ» (опубл.: Русскій Вѣстникъ. 1843. № 7–9) о любви шута к своей королеве. Прототипами главного героя могли быть два исторических персонажа. Первый — французский поэт Пьер де Шателар, сопроводивший королеву в Шотландию, воспевавший ее в стихах и позволивший себе проникнуть в ее спальню, за что был казнен по обвинению в посягательстве на честь Ее Величества. Другой — уже упоминавшийся итальянский музыкант и секретарь королевы Риччо, убитый заговорщиками на ее глазах. Спектакль выдержал семь представлений [История...: 238], не исключено знакомство Достоевского с этой пьесой.

²⁵ Schiller's sämtliche Werke in einem Bande. Stuttgart and Tübingen: Verlag der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1834. S. 439 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=CdKEAAAIAAA&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=true (10.08.2023). (Ты свободна, / Мария! Ты почувствовала мою силу, / Теперь научись почитать мое благородство. — нем.)

²⁶ Избранный нѣмецкій театръ... С. 103.

проверенного временем правила королей: «Gewalt nur ist die einzige Sicherheit»²⁷ («Власть одна, насилие / обезопасить <меня>»)²⁸. Нравственную победу, оплаченную неминуемой теперь казнью, одерживает у Шиллера Мария Стюарт: такова цена истинного величия. На втором плане столь же полярные мужские характеры царедворцев — Берли, требующего казни Марии, и Толбота, взывающего к пощаде (д. 2, явл. 4), — оба в равной степени бесконечно преданные **идеи** пользы государству, только один видит спасение Англии в способности власти к необходимому насилию, а другой просит не заглушать голос жалостливого сердца королевы: «Wollt Ihr der Gnade sanfte Regung hindern?»²⁹ («...ужели захотите / Остановить порывъ великодушный?»)³⁰. Третий вариант — двуличный в своем эгоизме Лейстер — бесславно проигрывает обоим идеологам. В пьесе есть еще один характер, Мортимер, именно его упомянет Достоевский в ряду трех наиболее значимых для него шиллеровских героев в письме к брату 1 января 1840 г., т. е. когда формировался замысел собственной «Марии Стюарт»:

«Я вызубрил Шиллера, говорил им, бредил им; и я думаю, что ничего более к стати не сделала судьба в моей жизни, как дала мне узнать великого поэта в такую эпоху моей жизни; никогда бы я не мог узнать его так, как тогда. Читая с ним Шиллера, я поверял *над ним*³¹ и благородного, пламенного Дон Карлоса, и маркиза Позу, и Мортимера» (ДЗ0; т. 28₁: 69).

²⁷ Schiller's sämtliche Werke... S. 438 (Насилие (сила, власть, могущество) — это единственная безопасность. — нем.).

²⁸ Избранный нѣмецкій театръ... С. 102. Ср. в переводе Б. Пастернака 1958 г.: «Лишь сила мне порукой»; в переводе Н. Вильмонта 1975 г.: «Насилье! Лишь оно моя ограда».

²⁹ Schiller's sämtliche Werke... S. 430 (Не хотите ли вы помешать милости нежного побуждения (чувству милосердия)? — нем.).

³⁰ Избранный нѣмецкій театръ... С. 66.

³¹ Имеется в виду И. И. Бережецкий, друг Достоевского в Инженерном училище. «Эта дружба, — пишет далее Достоевский, — так много принесла мне и горя и наслажденья! Теперь я вечно буду молчать об этом...» (ДЗ0; т. 28₁: 69). В. С. Нечаева предположила, что этот «горький» эпизод отразился в воспоминаниях героя «Записок из подполья» о своем школьном товарище: «...я уже был деспот в душе; я хотел неограниченно властвовать над его душой; я хотел вселить в него презрение к окружавшей его среде; я потребовал от него высокомерного и окончательного разрыва с этой средой. Я испугал его моей страстной дружбой; я доводил его до слез, до судорог; он был наивная и отдающаяся душа; но когда он отдался мне весь, я тотчас же возненавидел его и оттолкнул от себя, — точно он и нужен был мне только для одержания над ним победы, для одного его подчинения» (ДЗ0; т. 5: 140) [Нечаева: 80–81]. В определении прототипических ситуаций не следует искать точных и прямых отражений их в художественном тексте, так и в данном случае «деспотизм» подпольного героя, скорее всего, лишь частично отразил драму Достоевского и Бережецкого. Подоплека этой последней была, очевидно, куда более сложной, чем просто «подчинение» одного другому. Задумаемся, что означает выражение «поверяя <Шиллера> *над ним*», противостоящее выражению «читая <Шиллера> с ним». То, что Достоевский в натуре играл указанных шиллеровских героев, экспериментируя над собой и над товарищем? И не потому ли результатом такой, жестокой, в общем, **пробы** стали «горе» порвавшейся дружбы и «наслажденье» обретаемой творческой лаборатории (сродни деспотизму, но не деспотизм в его чистом виде).

Не исключено, что важную роль в собственной пьесе Достоевский отводил именно «спасителю» Марии Мортимеру. В своем первом драматическом опыте Достоевский мог развернуть шиллеровский характер, парадоксально соединяющий в себе высокое благородство с не знающей пределов чувственностью (нечто вроде будущего «шиллерянца» Дмитрия Карамазова). Охватившая влюбленного юношу всепоглощающая страсть для предмета его любви пагубна ничуть не меньше, чем убийственная ревность соперницы. Мортимер влюбляется в Марию, увидев ее портрет, он так поражен красотой несчастной королевы, что готов отдать жизнь ради ее спасения. Очевидно, что этот исходный экфрасис запомнился Достоевскому и отразился затем в романах «Идиот» и «Подросток».

2

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с замыслами Достоевского — тот факт, что в мировой драматургии уже имелись шедевры с такими названиями: «Мария Стюарт» Шиллера и «Борис Годунов» Пушкина. Нельзя исключить гордый «момент состязательства» [Алексеев: 49]³² начинающего, но много о себе возомнившего автора, однако «сокрытый двигатель» стоит поискать в другом месте, а именно в тогда уже сказавшейся **природе дарования** Достоевского. На нее указывал сам писатель в письмах к брату Михаилу.

16 августа 1839 г. он писал:

«...учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно...» (ДЗ0; т. 28₁: 63).

24 марта 1845 г.:

«Я страшно читаю, и чтение странно действует на меня. Что-нибудь, давно перечитанное, прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во всё, отчетливо понимаю, и сам извлекаю умение создавать» (ДЗ0; т. 28₁: 108).

Чтение в таком случае переставало быть вос-приятием, переходя на рельсы вос-создания. Чтение в существе своем процесс творческий, но в случае Достоевского важен градус со-творчества, когда чтение естественным образом порождает художника. Писатель порою передавал этот дар своим героям, такова его Нечочка Незванова:

«Вообразив себя героиней каждого прочитанного мною романа, я тотчас же помещала возле себя свою подругу-княжну и раздвоявала роман на две части,

³² Ср.: «Судьба не сохранила первые литературные опыты Достоевского, но примечательны их сюжеты, обнаруживающие меру поэтических притязаний юного автора. Соперниками на поэтическом поприще Достоевский выбирает двух кумиров — Шиллера и Пушкина. И можно не сомневаться — он не подражал» [Захаров, 2013: 71–72].

из которых одна, конечно, была создана мною, хотя я обкрадывала беспощадно моих любимых авторов» (ДЗ0; т. 2: 238).

В журнальном варианте далее следовало еще более откровенное (и потому, вероятно, вычеркнутое в переиздании):

«Таким образом я переделала в голове всего Вальтера Скотта по-своему, затем что по канве его романов как-то любовнее принималось мое сердце рассказывать себе же самому, в самых узорчатых, самых прихотливых формах, свои теплые, прихотливые, досужие грезы» (ДЗ0; т. 2: 452).

Заметим, к слову, что повесть Неточки создавалась как история рождения художника. Сам по себе способ работы «по канве» просматривается во многих замыслах Достоевского, которые он то называет «моими "Отцами и детьми"» (ДЗ0; т. 22: 7), то ищет подобия в «Евгении Гранде» (ДЗ0; т. 28: 100), «Воине и мире» (ДЗ0; т. 29: 117), «Герое нашего времени» (ДЗ0; т. 11: 115), «Обломове» (ДЗ0; т. 7: 166; т. 29: 118), «Скупом рыцаре» (ДЗ0; т. 28: 51) и т. д. Творческое самоопределение часто шло у Достоевского (гораздо чаще, чем у большинства коллег-писателей) через отталкивание от литературных образцов: так велико было стремление дописать, иногда исправить и тем самым **развить** сказанное предшественниками. Дар первооткрывателя парадоксальным образом произрастал из способностей продолжателя. Гениальным читателем остроумно назвал Достоевского А. Л. Бем, точно описавший его «восприимчивость к чужому художественному творчеству»: «Он не только читал, но творил вместе с читаемым автором, сживался с его героями, переносил их в иную обстановку, заставлял их жить новой для них, мятущейся и трагической жизнью. Его возбуждали затронутые в читаемой книге идеи, и он их художественно претворял, из намеков создавал глубочайшие проблемы, которые разрабатывал в своем творчестве» [Бем: 56]. Мы понимаем это так, что Достоевский прочитывал то, что есть у предшественников, но не было раскрыто ими во всей полноте возможных смыслов, а затем реализовывал выявленный потенциал в новом слове, как проращивают зерно в новое растение. Очевидно, подобной операции были подвергнуты начинающим писателем известные пьесы Шиллера и Пушкина³³.

И если уж действительно имела место состязательность, то, зная характер храбреца (хотя бы по основательным, проникающим в тайны ремесла

³³ Такая особенность творческой личности в ранний период ее созревания способна приобретать и опасные, злокачественные формы, о чем свидетельствует тот же мемуарист (между прочим, медик по профессии): «Я не мог не заметить, что, в то время как Григорович предметы для своих описаний брал из близко наблюдаемой им действительной жизни, Федор М<ихайлови>ч, живя почти затворником и отказываясь от общества, стал создавать себе каких-то химерных героев, отчасти по прочитываемым им французским романам, а отчасти по собственной своей мечтательной и фантастической натуре» (Ризенкамф А. Е. Воспоминания... С. 221–222). Болезнь эту, пограничную с творческой фантазией, писатель передал своему герою — Мечтателю из «Белых ночей».

письмам к брату того периода), мы можем быть уверены, что смелость его не была удалью на пустом месте, ей сопутствовал определенный расчет созревающего художника. И это, пожалуй, главный вопрос нашей реконструкции: а что нового предлагал миру пришедший в него юный соперник гениев? Что такое осталось не реализованным в гениальных пьесах Шиллера и Пушкина, что могло быть дописано?

Ключ к разгадке, как мы полагаем, подает мемуарист, достоверность воспоминаний которого в целом не вызывает сомнений (см.: [Фокин: 28–29]). Это хороший знакомый начинающего писателя, упоминавшийся уже Александр Егорович Ризенкампф; дважды в своих воспоминаниях он указал на специфику замысла Достоевского:

«В то самое время Федор Михайлович (т. е. в 1839-м году) читал всё, касавшееся жизни и казни Марии Стюарт, намереваясь написать трагедию на этот сюжет, но не перевод или подражание шиллеровской трагедии, но совершенно оригинальную, **согласную с историческими данными**»³⁴.

«...он решился разработать этот сюжет для русской сцены, но не в виде перевода или подражания Шиллеру, но самостоятельно и **согласно истории**. В 1841-м и 1842-м годах это была одной из главных его задач, и то и дело он нам читал отрывки из своей трагедии "Мария Стюарт"»³⁵.

В первой посмертной биографии Достоевского этот эпизод со слов Ризенкампфа передан был так:

«Достоевский хотѣлъ обработать эту трагическую тему по своему, для чего **тщательно принялся за приготовительное историческое чтение**»³⁶.

Что же могло быть в пьесе Достоевского «согласно истории», что отсутствовало у Шиллера? Свою версию предложил А. А. Гозенпуд: «Конечно, соперничать с Шиллером или оспаривать его трактовку Достоевский не мог. Так как великий драматург остановился на последнем периоде жизни Марии Стюарт, то естественно предположить, что для своей пьесы Достоевский избрал события молодости шотландской королевы, быть может, историю ее взаимоотношений с Дэвидом Риччо, придворным музыкантом (лютнистом), убитым у нее на глазах Дарнлеем, столкновение с шотландскими феодалами, заточение в замке Лох-Ливен и бегство оттуда. Этот драматический период жизни Марии Стюарт привлекал немецких, английских, итальянских, французских, норвежских и польских драматургов. <...>

³⁴ Ризенкампф А. Е. Воспоминания... С. 212. Здесь и далее полужирным шрифтом выделено нами. — В. В.

³⁵ Там же. С. 219.

³⁶ Миллеръ О. Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго // Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ѳ. М. Достоевскаго. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. С. 41.

В пользу такого предположения говорит и то, что Достоевский был знаком, помимо трагедии Шиллера, с другой, не менее известной трактовкой темы, которую дал Вальтер Скотт в романе "Аббат"» [Гозенпуд: 46–47].

Предложенная версия представляется нам маловероятной. Вряд ли Достоевский ограничился «событиями молодости шотландской королевы»; хорошо осведомленный мемуарист, как мы помним, утверждал, что Достоевского интересовала как «жизнь», так и «казнь Марии Стюарт» (1542–1587), правая или неправая. «Заточение в замке Лох-Ливен и бегство оттуда» были красочно изображены Вальтером Скоттом в романе «Аббат» ("The Abbot", 1820), и, безусловно, нельзя исключать воздействия на молодого писателя явленного там образа Марии Стюарт как воплощенного благородства³⁷, однако вряд ли Достоевский собирался инсценировать это произведение. В таком случае Ризенкампф с его немецкой педантичностью наверняка не преминул бы отметить столь важное обстоятельство, он же, напротив, усиленно напирает на «оригинальность» своего товарища.

Достоевский так или иначе вставал в значимый ряд европейских авторов: пьесы о шотландской королеве в апологетическом ключе создали Лопе де Вега («Трагическая корона», 1627), Йост ван ден Вондел («Мария Стюарт, или Замученное величие», 1646), стихи в ее честь слагали Ронсар, Дю Белле, Беранже, Теннисон, Леся Украинка, а с другой стороны, разоблачительную антишиллеровскую пьесу об авантюристке-грешнице в 1830 г. написал Юлиуш Словацкий (см.: [Мельков, Никольский]). Музыка на стихи самой Марии Стюарт писали Р. Шуман и Р. Вагнер, в первой трети XIX в. она стала героиней трех опер, в том числе Г. Доницетти (1835). Не думаем, что молодой писатель знал обо всех своих предшественниках, но трагедия Шиллера и роман Вальтера Скотта, безусловно, были ему хорошо знакомы. У обоих названных авторов непритворно благородная и добросердечная Мария Стюарт вызывает сочувствие как жертва исторических обстоятельств, козней жестокосердых врагов, а по Шиллеру, еще и женской мстительности Елизаветы I (1533–1603). В романе Вальтера Скотта главный интерес сосредоточен на самоотверженных защитниках Марии, а в трагедии Шиллера — на двуличии и малодушии ее главной гонительницы, английской королевы. Мы полагаем, что в драме Достоевского на передний план должна была выйти сама Мария: не в противостоянии Елизавете (так у Шиллера), а в ее

³⁷ Достоевскому скорее всего был известен русский перевод: «Аббатъ, или Нѣкоторыя черты жизни Маріи Стюартъ, Королевы Шотландской. Сочиненіе Сира Валтера Скотта; въ четырехъ частяхъ. Переводъ съ Англійскаго [Политковскаго]. СПб.: Въ типографіи Императорскихъ Театровъ, 1825». В краткой рецензии на это издание Ф. Б. (Фаддей Булгарин) отмечал: «Аббатъ есть одинъ изъ лучшихъ Романовъ знаменитаго Шотландскаго Писателя. Здѣсь представляется во всѣхъ его отгѣнкахъ одинъ изъ занимательнѣйшихъ (хотя не блестящихъ) характеровъ историческихъ — характеръ Маріи Стюартъ, славной умомъ, красотою, преступленіями и злополучіемъ. <...> Что касается до Русскаго перевода, <...> этотъ переводъ принадлежитъ къ разряду лучшихъ въ семъ родѣ» (Сѣверная Пчела. 1826. 4 февр. № 15).

собственной психологической коллизии, то есть в страданиях, страстях и совести царственной в своих взлетах и падениях личности. И, как указывает Ризенкампф, Достоевский должен был обратить особенное внимание на обстоятельства казни. Открытая расправа над венценосной особой стала зловещим прецедентом для последующей европейской истории; насильственная смерть монарха (вдовствующей королевы Франции, смещенной со своего престола королевы Шотландии, законной претендентки на английский трон) и раньше не была здесь чем-то невиданным, но теперь это было убийство, оформленное «по закону», а по существу, утверждаемая даже церковными деятелями «кровь по совести». Одна из эпитафий на ее могиле гласила: «...вместе со священным прахом блаженной Марии здесь лежит растоптанное и поруганное величие всех королей и государей» [Грэм: 385].

3

Чтобы дополнять Шиллера, Достоевскому следовало вооружиться знанием историографической фактуры, что он и предпринял, по свидетельству Ризенкампа. В эту сторону его подтолкнули и события, происходившие в самой исторической науке, в источниковой базе ее. Открылись факты, не известные Шиллеру, завершившему работу над трагедией в 1800 г., да и Вальтеру Скотту, опубликовавшему «Аббата» в 1820 г. В последующие десятилетия, предшествовавшие замыслу молодого Достоевского, усилиями историков были представлены миру многие документы, приоткрывающие тайны биографии Марии Стюарт³⁸.

Вначале об источниках, которые, скорее всего, были известны Шиллеру и тем более Вальтеру Скотту. Внимание Достоевского, который «читал всё, касавшееся жизни и казни Марии Стюарт», не могло не привлечь солидное русское издание 1809 г. исторических свидетельств о ней³⁹ (см. Илл. 3). В первый из четырех томов вошло сочинение «Краткая жизнь Марии Стюартъ, Королевы Шотландской. (Писанная очевидцомъ)». Это был фрагмент мемуаров «Vies des dames illustres francoises et etrangeres» («Жизнеописания прославленных французских и зарубежных дам» — *фр.*) известного хрониста придворной жизни французских монархов Пьера де Бурдейля Брантома (Brantome, 1540–1614), впервые опубликованных в 1740 г. Мемуарист близко

³⁸ Этот процесс весьма интенсивно продолжался и впоследствии (см. проблемный обзор научных версий особенно активного в этом отношении конца XIX в.: [Юрьев]), продолжается и доныне, так, совсем недавно были открыты «тюремные» письма шотландской королевы (Губайловский В. Расшифрованы 57 неизвестных писем Марии Стюарт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.techinsider.ru/science/news-1579881-kriptografy-nashli-i-rasshifrovali-57-neizvestnyh-pisem-marii-styuart/> (10.08.2023)).

³⁹ Переписка Марии Стюартъ, несчастной королевы шотландской, съ Елизаветою, Королевою Великобританскою, и другими знатными особами. Съ прибавлениемъ извѣстій о характерѣ и дѣлахъ обѣихъ сихъ государынь: Переводъ съ французскаго. Ч. 1–4. М.: Въ типографіи у А. Рѣшетникова, 1809.

наблюдал Марию Стюарт в период ее воспитания при французском дворе, короткого «счастливого» замужества за королем Франциском II, а после смерти последнего сопровождал вдовствующую королеву на ее новое поприще в Шотландию. Брантом был покорен «божественной красотой» королевы, в которой «душа равнялась ея прелестям»⁴⁰. «Всѣ удивлялись твердости Королевы Шотландской, — свидетельствует он о реакции католической Европы на гонения Марии со стороны победивших в ее стране протестантов, — и кажется ни кто съ такою неустрашимостию не сносилъ бѣдствій»⁴¹.

Илл. 3. Титульный лист издания 1809 г. «Переписка Маріи Стюартъ, нещасной Королевы Шотландской, съ Елизаветою, Королевою Велико-британскою, и другими знатными особами»

Fig. 3. The title page of the 1809 edition of “Correspondence of Mary Stuart, the Unfortunate Queen of Scots, with Elizabeth, Queen of Great Britain, and Other Notable Persons”

⁴⁰ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 1. С. 11, 7.

⁴¹ Там же. С. 25.

В доказательство приводится ее предсмертное письмо к духовнику:

«Меня принуждаютъ теперь переменить вѣру и принимать утѣшеніе отъ еретиковъ; но вы услышите отъ Буйонга и другихъ, что я умираю въ своей вѣрѣ»⁴².

Брантом передает также слова, сказанные королевой своим служителям перед казнью:

«Щастіе въ семь мѣръ одна суета, жизнь моя можетъ быть сему примѣромъ <...>, достаюсь въ руки палача, хотя ни въ чемъ не виновна; но утѣшаюсь тѣмъ, что меня умерщвляютъ подъ предлогомъ гоненія за святую Католическую вѣру, которую не оставлю до послѣдняго издыханія, ибо я крещена въ ней. Я не желаю ни какой другой славы, а прошу только, что бы во всей Франціи услышали о моей твердости...»⁴³.

Со слов служителей, вернувшихся во Францию, передается и реакция организаторов казни:

«...назначенныя Комисары <...> увидѣвши такую твердость, соединенную съ тихостію и красотою чрезвычайно удивились; румянецъ пылалъ на щекахъ Маріи, и никогда она не была такою прелестною, какъ въ это время»⁴⁴.

Не получив разрешения на последнюю исповедь католическому священнику, Мария не подпустила к себе присутствовавшего при казни протестантского пастора, «но видя, что онъ продолжаетъ молитвы, она читала свои по Латинѣ, возвышая голосъ свой громче Пастора, почитая щастіемъ пролить послѣднюю каплю крови за вѣру, и надѣясь на Того, чье изображеніе держала въ рукѣ своей...»⁴⁵.

В последнем томе издания приведено жизнеописание гонительницы Марии — английской королевы Елизаветы, которую «англичане сравниваютъ <...> съ Великими Государями своими, и не безъ причины; она имѣла рѣдкое дарованіе необходимо нужное владѣтелямъ, быть любезною своимъ подданнымъ и ужасною врагамъ своимъ. Она положивши основаніе могущества, какимъ наслаждается народъ сей, вмѣстѣ дала ему знать, что неумѣренная вольность, которую онъ обожаетъ безъ твердаго правленія

⁴² Переписка Маріи Стюартъ... С. 27. Буйонг — врач королевы Доминик Бургойн (Bourgoyne), его дневник был использован шотландским писателем А. Блэквудом, апологетом Марии, в книге «La mort de la royne d'Escosse, douairiere de France» («Смерть королевы Шотландии, вдовствующей королевы Франции» — *фр.*), неоднократно публиковавшейся начиная с 1587 г.

⁴³ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 1. С. 31.

⁴⁴ Там же. С. 32.

⁴⁵ Там же. С. 35.

есть одно привидѣніе»⁴⁶. Такая характеристика если не оправдывала, то объясняла отношение Елизаветы к Марии, приведшее к двум десятилетиям заточения последней: харизматичная католичка, законно претендующая не только на утраченную ею шотландскую, но в перспективе и на английскую корону, была опасна для становящегося протестантизма Британии. Жизнеописания двух королей, закольцовывавшие русское издание, вступали друг с другом в диалог двух правд, человеческой и государственной⁴⁷. Между ними расположились письма Марии, в основном к Елизавете, в которых человеческая правда звучала наивно и пронзительно-безответно.

11 февраля 1567 г.:

«Еслибъ Я могла говорить съ Вами лично, то Вы конечно бы раскаялись въ томъ, что меня заключили въ темницу»⁴⁸.

15 мая 1569 г.:

«Естьли Вы хотя не много знаете мое сердце и совѣсть, то конечно не повѣрите гнусной клеветѣ на меня»⁴⁹.

10 октября 1581 г.:

«Да и какая Вамъ польза отъ моего страданія, или слезы мои и вздохи Васъ радуютъ, или пріятно Вамъ видѣть хладной трупъ Маріи родственницы вашей и такого же какъ Вы человѣка?»⁵⁰.

28 ноября 1582 г.:

«...хочу остатокъ жизни моей употребить на то, чтобы прежде смерти освободить сердце мое отъ всѣхъ справедливыхъ жалобъ, открыть истинну и оправдаться предъ потомствомъ, къ стыду безчеловѣчно поступившихъ со мною. Такъ какъ Вы намѣренія, планы, дѣла сихъ варваровъ⁵¹ всегда уважали больше, нежели мои справедливые доказательства и искренніе поступки, то Я прибѣгаю къ живому Богу, единственному нашему судіи, который не посредственно поставилъ судъ надъ народомъ; Его призову въ глубокой

⁴⁶ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 4. С. 45.

⁴⁷ Именно этот мотив станет основополагающим в лучшем беллетризованном жизнеописании Марии Стюарт: «...человек, который закабалится политике, больше себе не принадлежит и подчиняется иным законам, нежели священные законы сердца» [Цвейг, 1963: 31]. Заметим к слову, что слова эти, далеко не бесспорные, но замечательные в остроте постановки проблемы, принадлежат одному из последователей Достоевского, оценившему в русском писателе «его как будто фантастическую и в то же время такую подлинную человечность» [Цвейг, 1992: 62].

⁴⁸ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 1. С. 115.

⁴⁹ Там же. Ч. 2. С. 29.

⁵⁰ Там же. С. 43.

⁵¹ Шотландских лордов-протестантов, свергнувших Марию.

моей печали, да воздасть Вамъ на Страшномъ судѣ Своемъ за грубые Ваши поступки со мною...»⁵². «У меня осталась одна душа, которую не можетъ заключить ни какая Ваша власть»⁵³.

19 декабря 1586 г. (после суда, признавшего Марию виновной в заговоре против английской королевы):

«...прошу милосерднаго Бога, праведнаго Судію, да просвѣтитъ васъ святымъ духомъ Своимъ, и да подасть Мнѣ силу умереть къ совершенной любви къ Нему, какъ Я располагаюсь сдѣлать прощая смерть Мою всѣмъ тѣмъ, которые причину тутъ, или содѣйствовали оной: прозьба Моя пребудетъ въ устахъ Моихъ до смерти, которой ожидаю съ не стерпѣніемъ потому, что она прекратитъ бѣдствія и печали, угрожающія сему острову⁵⁴, простите Меня, что оставляя свѣтъ сей и готовясь къ новой жизни, Я напоминаю вамъ, что вы нѣкогда будете отвѣчать за ваше опредѣленіе <...>. Сестра ваша и невинная арестанка Королева Марія»⁵⁵.

Достоевскому, очевидно, не чужда была эта драматургия попоранной человечности и стоической жертвенности, написанная самой королевой и безоговорочно воспринятая русскими издателями.

4

Теперь об источниках, которые наверняка не были известны Шиллеру и Вальтеру Скотту, но вполне могли оказаться в кругу чтения Достоевского. В период, предшествовавший его замыслу драмы о шотландской королеве, эту тему развивали труды Титлера, Раумера, печатавшиеся официальные документы эпохи, вряд ли доступные кадету Главного инженерного училища и затем подпоручику Инженерного корпуса (с новыми публикациями писатель мог позднее познакомиться по компиляции Ф. Шаля, о чем речь пойдет далее). Однако одна книга вполне могла оказаться тогда в руках Достоевского, тем более что вышла она в том же 1839 г., когда, согласно Ризенкампфу, у начинающего писателя пробудился интерес к «историческим данным» (не послужила ли данная книга своеобразным первотолчком?). Это были письма Марии Стюарт и другие документы, изданные Александром Лобановым⁵⁶ (см. *Илл. 4*).

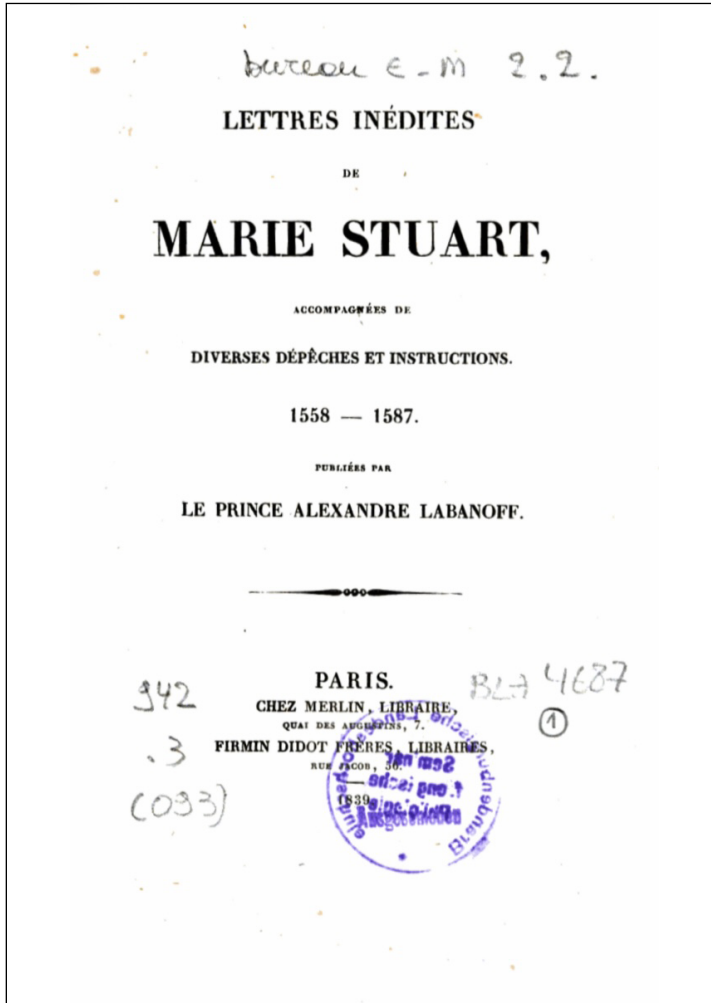
⁵² Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 2. С. 45–46.

⁵³ Там же. С. 56.

⁵⁴ Имеется в виду остров Великобритания, на котором расположились и Англия, и Шотландия.

⁵⁵ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 3. С. 75–76.

⁵⁶ *Lettres inédites de Marie Stuart accompagnées de diverses dépêches et instructions. 1558–1587. Publiées par Le Prince Alexandre Labanoff. Paris, 1839. 345 p.* (Неопубликованные письма Марии Стюарт вместе с различными депешами и инструкциями. 1558–1587. Публикация князя Александра Лобанова. Париж, 1839. 345 с. — *фр.*).

Илл. 4. Титульный лист книги А. Я. Лобанова-Ростовского “Lettres inédites de Marie Stuart accompagnées de diverses dépêches et instructions. 1558–1587”. Publiés par Le Prince Alexandre Labanoff. Paris, 1839

Fig. 4. The title page of the book by A. Ya. Lobanov-Rostovsky “Unpublished Letters from Mary Stuart Accompanied by Various Dispatches and Instructions. 1558–1587”. Published by Prince Alexander Labanoff. Paris, 1839

На открытии книги автор называет четверых распространителей, среди которых «Stieglitz et Comp., à Saint-Petersbourg». Людвиг Штиглиц, известный петербургский меценат, особую заботу проявлял об учебных заведениях, так что протежируемое им издание могло с его подачи попасть в библиотеку инженерного училища или в ту, о которой Достоевский писал отцу 5 мая 1839 г.:

«Перейдя в высший класс, я нахожу совершенно необходимым абонироваться здесь на французскую библиотеку для чтения»⁵⁷ (ДЗ0; т. 28; 59).

Князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский (1788–1866), известный петербургский богач, в сорок лет уйдя в отставку в чине генерал-майора, с необычайной страстью увлекся собиранием документов, связанных с Марией Стюарт. Это было похоже на ту легендарную влюбленность, что сопровождала королеву при жизни и затем перешагнула далеко за порог смерти. Указанная книга была первой из серии подготовленных им публикаций⁵⁸, в нее вошли 35 писем Марии Стюарт, впервые публикуемое ее завещание, написанное в ночь перед казнью, переписка современников, отчет о проведении казни.

Со страниц этих документов перед Достоевским вставала страдальческая тень обреченной на гибель королевы во всем величии духовного стоицизма. Таков отрывок из письма Марии герцогу де Гизу от 14 ноября 1586 г. после объявления приговора:

“Vous recevrez des tokens (bagues) de moy, pour vous ramentavoir de faire prier pour l'ame de vostre pauvre cousine, désolé de toute ayde et conseil, que de celui de Dieu, qui me donne force et courage de résister seule à tant de loups hurlants après moy, à Dieu en soit la gloire. <...> Dieu soit loué de tout, et vous donne la grace de persévérer au service de son Église tant que vous viverez, et jamais ne puisse ceste honneur sortir de nostre race, que tant hommes que femmes soyons prompts de respendre nostre sang pour maintenir la querelle de la foy, tous autres respects mondains mis à part; et quant à moy, je m'estime née du costé paternel et maternel, pour offrir mon sang en icelle, et je n'ay intention de dégénéner. Jésus crucifié pour nous, et tous les saints martyrs nous rendent, par leur intercession, dignes de la volontaire offerte de nos corps à sa gloire”⁵⁹.

⁵⁷ По предположению Б. Н. Тихомирова (в письме к автору данной статьи), это могла быть «Библиотека для чтения французских книг», которую содержал купец 3-й гильдии Иосиф Карлович Лури (ок. 1807–1895), позже привлекавшийся по делу петрашевцев. Она располагалась по адресу: Большая Морская, дом штабс-капитана Косиковского, № 15, на углу Невского, № 14 (соврем. № 14/15). Не исключена, впрочем, и «библиотека у Смирдина», в которую «записывался» автобиографический герой «Петербургских сновидений в стихах и прозе» (ДЗ0; т. 19: 70, 269).

⁵⁸ См.: *Lettres, Instructions et Mémoires de Marie Stuart, Reine d'Ecosse; publiés sur les originaux et les manuscrits du State Paper Office de Londres et des Principales Archives et Bibliothèques de L'Europe*, 7 vols. London, 1844 (Письма, инструкции и мемуары Марии Стюарт, королевы Шотландии; опубликованы по оригиналам и рукописям Государственного бумажного бюро в Лондоне, а также ведущих архивов и библиотек Европы) (рецензия: Библиотека для чтения. 1845. Т. 71. С. 69–76; компиляция: Там же. 1849. Т. 95. С. 35–61, 97–119); *Notice sur la collection des portraits de Marie Stuart appartenant au prince Alexandre Lobanoff*. СПб., 1856 (2 изд., 1860) (Извещение о коллекции портретов Марии Стюарт, принадлежащих принцу А. Лобанову. СПб., 1856 г.).

⁵⁹ *Lettres inédites...* P. 154–156. Перевод с французского здесь и далее — С. А. Савостиной.

(Вы получите мои кольца, чтобы Вы могли оплатить молитвы за душу Вашей бедной кузины, которая лишена всякой помощи и совета, кроме Господней, той, что дает мне силу и мужество одной противостоять столь многим волкам, воющим вокруг меня, и за это слава Господу. <...> Слава Господу за все, я прошу Вашу милость оставаться на службе Церкви до конца Ваших дней и чтобы никогда наш род не потерял этой чести, многие мужчины и женщины, ему принадлежащие, готовы пролить свою кровь в борьбе вероисповеданий, это важнее других, светских аспектов происходящего; и что касается меня, я считаю себя рожденной, как со стороны отца, так и матери, чтобы отдать мою кровь за свою веру, и я не собираюсь уклоняться. Иисус был распят за нас, и все святые мученики делают нас достойными добровольно пожертвовать собою в Его славу.)

В книгу Лобанова-Ростовского вошел отчет очевидца казни⁶⁰, английского протестанта, т. е. противника королевы, который тем не менее поражен был ее нравственной красотой.

“Durant la lecture de la dite commission, la Roynе d’Escosse usoit de silence, l’escoutant avec aussy peu de regard en cest endroit comme si ne luy eust en rien concerné, et d’une contenance aussy joieuse comme si ce luy eust esté ung pardon de la part de Sa Majesté pour sa vie; et usant aussy estrangement tant en parolles qu’en fait comme si elle n’eust jamais congneu aulcun de l’assemblée, ou qu’elle eust esté ignorante du langage anglois. Puis le docteur Flescher, doien de Peterborough, estant vis-a-vis d’elle et dehors des barrières, se courbant du corps, feist grande révérence, commençant ceste exortation qui s’ensuyt: Ma dame, la très excellente majesté de la Roynе d’Angleterre, etc., et proférant ces parolles trois et quatre fois. Elle respondist qu’elle estoit résolue en l’ancienne catholicque et romaine religion, et espéroit y respandre son sang en défence d’icelle; puis M. le doien dict: Ma dame, changez vostre oppinion et vous repentez de vos récéddentes meschancetez, et reposez vostre foy seulement en Jésus-Christ, afin que par luy soiez sauvée. Puis elle respondist de rechef “M. le doien, ne vous troublez point d’avantage, car je suis résolue en ceste ma religion et ay proposé mourir en icelle”. Les contes de Shrewsbury et de Kent, la voyant ainsy obstinée, lui dirent puisque elle ne vouloit ouyr l’exortation commancée par le dit M. le doien Nous priérons pour Vostre Grâce que, s’il plaist à Dieu, il vous veuille illuminer le cœur à la dernière heure de vostre vie avec la

⁶⁰ На казни присутствовало до 300 человек и свидетельств было немало. На их основе написан один из очерков книги: Scott Walter Sir. Tales of a Grandfather; Being Stories Taken from Scottish History. In Three Vols. Printed for Cadell and Co. Edinburgh; Simpkin and Marshall, London; and John Cumming, Dublin, 1828. Vol. I. Ch. XXXIII. (Рассказы дедушки из шотландской истории. В трех томах. Напечатано для издательств «Каделл и Ко», Эдинбург; «Симпкин и Маршалл», Лондон; и «Джон Камминг», Дублин, 1828. Том. I. Глава XXXIII). Перевод: Смерть Марии Стюартъ (Отрывокъ изъ Истории Шотландіи Вальтера-Скотта). [Перевел] Ѳ. Дьячковъ // Сѣверный Меркурій. 1830. № 94. 6 авг. С. 61–62. Описание казни Марии автор заключает выводом: «И нельзя сомнѣваться ни въ естественной добротѣ ея сердца, ни въ величїи ея души» (Там же. С. 62).

vraye congnoissance de Dieu et ainsy mourir en icelle. Puis elle respondist: "Si vous voulez prier pour moy, messeigneurs, je vous en remercie, mais pour me joindre en prière avec vous, je ne veux pas, car vous et moy ne sommes pas d'une religion". Puis les seigneurs appelèrent M. le doien qui, s'agenouillant sur les de grez de l'eschaffault, commença ses prières disant: O Dieu très gracieux et père miséricordieux, etc... Toute l'assemblée, sauf la Roynie d'Escosse et ses servants, dirent après luy. Durant laquelle prière la Roynie d'Escosse estant assise sur une selle ayant ung agnus Dei autour de son col, et ung crucifix en sa main, et une paire de patenostres en sa ceinture avec une croix d'or au bout d'icelles, et ung livre en latin en sa main, commença avec larmes et à haulte et ferme voix à prier en latin. Et au milieu de ses prières elle se lanca de sa selle à genoux et dist plusieurs prières en latin. Et à la fin des prières de M. le doien, elle estant à genoux pria en anglois à cet effet pour l'église affligée de Christ et pour la fin de leurs troubles, pour son filz et pour la Majesté de la Roynie, afin qu'elle peust prospérer à servir à Dieu en droicture. Elle confessa qu'elle es péroit estre sauvée par et au sang de Jésus-Christ, aux pieds duquel crucifix elle vouloit respandre son sang. Puis le comte de Kent lui dist: Ma dame, mettez Jésus-Christ en vostre cœur et laissez ces fatras et tromperies. Puis elle, n'ayant peu d'égard ou point du tout à ce saint et bon conseil, passa oultre en ses prières, désirant à Dieu de destourner son ire de cette isle, et qu'il lui pleust luy donner sa grace et pardon de ses péchez. Ces prières et autres elle dit en anglois, disant qu'elle pardonnoit à ses ennemis de tout son cœur, et spécialement à ceulx qui avoient recherché son sang, priant à Dieu les vouloir convertir en la vérité. Et en la fin de ses prières elle pria tous les saints qu'ils feissent intercession pour elle en Jésus-Christ, et ainsy baisant le crucifix, et se croisant aussy, dist ces parolles: "Tout ainsy que tes bras furent estendus cy dessus la croix, ainsy reçois-moy en tes bras de mercy et me pardonne tous mes péchez". Ses prières estant finies, ses exécuteurs s'agenouillèrent, priant Sa Grâce leur vouloir pardonner sa mort, à qui elle respondist, disant: "Je vous pardonne de bien bon cœur, car à ceste heure j'espère que vous ferez fin de lous mes troubles". Puis eux et ses deux femmes lui aydant, commencèrent à la despouiller de ses habits, puis mettant son crucifix sur ceste selle, l'un des exécuteurs print l'Agnus Dei de son col <...>. Tout durant le temps qu'on luy tira ses habits, elle ne changea jamais de contenance, ains avec sousriante façon elle proféra ces parolles, "qu'elle n'avoit jamais eu telz serviteurs pour la déshabiller et qu'elle n'avoit jamais despouillé ses habitz devant telle compaignie"⁶¹.

(Во время чтения приговора королева Шотландии хранила молчание, слушая его со столь малым вниманием, как будто это нисколько ее не касалось, и столь радостно, как если б это было прощение со стороны ее величества [английской королевы] и решение о сохранении ей жизни; и действуя столь же странно, как на словах, так и на деле, как будто она никогда не знала никого из собравшихся и как будто она не знает английского языка. Затем доктор Флешер, декан Питерборо, стоя напротив и за ограждениями, с поклоном начал свое

⁶¹ Lettres inédites... P. 239–243.

служение словами: «Государыня, прекрасная своим величием королева Англии и т. д.», — и повторил их три или четыре раза. Мария ответила, что она решила оставаться в католичестве, проливая за него свою кровь; на что декан сказал: «Мадам, поменяйте Ваше мнение и раскайтесь в Ваших предыдущих злоумышлениях и вверьтесь только Иисусу Христу, чтобы через Него получить спасение». Она ответила: «Господин декан, не беспокойтесь более, так как я решила остаться в моей вере и намерена умереть за нее». Графы Шрусбери и Кент, видя такое упорство, заявили, что раз она не хочет слышать уговоры декана, они сами помолятся за нее, чтобы, благодаря Господу, просветилось ее сердце настоящим пониманием Бога перед лицом смерти. Она ответила: «Если вы хотите молиться за меня, господа, я вас за это благодарю, но не собираюсь присоединяться к вашим молитвам, так как у вас и у меня разная вера». Призвали декана, который, встав на колени на ступеньки эшафота, начал молитву: «Милостивый и добросердечный Бог и т. д.». Все собрание за исключением королевы Шотландии и ее слуг повторяли за ним. Во время этой молитвы королева Шотландии, сидя на стуле, имея на шее *agnus Dei*⁶², распятие в руке и пару *pater nostra*⁶³ на поясе с золотым крестом на конце каждого из них, а также латинскую книгу в руках, начала со слезами, громким и твердым голосом молиться на латыни. Затем она бросилась на колени и произнесла еще несколько молитв на латинском языке. После молитвы декана она оставалась на коленях и стала молиться по-английски за поруганную церковь Христа, за прекращение вражды, за своего сына и за ее величество [английскую] королеву, чтобы она верно служила Богу. Она, как на исповеди, призналась, что надеется спастись кровью Иисуса Христа, у ног распятия Которого готова пролить свою кровь. Граф Кент ей заметил: «Мадам, примите Иисуса Христа в свое сердце и оставьте эти уловки и обманы». Она же, обращая очень мало или вовсе не обратив внимание на эти святые и добрые советы, молилась, чтобы Господь отвратил Свой гнев от этого острова и чтобы он вернул ему Свою милость и простил ему грехи. Эти молитвы и еще другие она читала по-английски, говоря, что она прощает своим врагам от всего сердца и особенно тем, кто искал ее крови, и просит Господа обратить их к истине. В последних молитвах она обратилась ко всем святым, чтобы они просили за нее Иисуса Христа, при этом целуя распятие и раскинув руки, как на распятии, она произнесла: «Твоими руками, простертыми на кресте, прими меня и прости мои грехи». Когда ее молитвы были закончены, экзекуторы встали на колени и просили ее милость простить им свою смерть, на что она ответила: «Я вас прощаю от всего сердца, так как надеюсь, что это положит конец всем моим страданиям». Потом они и две женщины, которые ей помогали, начали освобождать ее от одежд; положив распятие на

⁶² Агнец Божий (*лат.*), здесь — изображение Христа в виде агнца, жертвенного ягненка.

⁶³ “Pater noster” — «Отче наш» (*лат.*), молитва Господня, так у католиков называется набор четок в виде шнура, который носят на поясе или запястье.

сиденье, один из экзекуторов снял *agnus Dei* с ее шеи <...>. За все время, пока снимали с нее одежду, она не изменила выражения лица и, смеясь, произнесла: «Никогда еще у меня не было такой прислуги, и никогда меня не раздевали при такой компании».)

«Нешастная королева» — заглавное и ключевое словосочетание издания 1809 г., подхваченное также Лобановым-Ростовским. В письме к Екатерине Медичи от 31 марта 1568 г. Мария сама подводит итог своим злоключениям: она наконец «узнала, что нѣтъ на свѣтѣ ничего прочнаго, и человѣкъ рожденъ для нещастій»⁶⁴. В обоих рассмотренных изданиях, 1809 и 1839 гг., акцент был сделан на величии морального стоицизма Марии, безукоризненной преданности своему вероисповеданию и перенесенных за него страданиях. Достоевский мог прочесть в одном из ее писем 1584 г.: «...quo qu'il m'en puisse advenir, ne pouvant jamais, en cœur et en parolles, ester autre que je suis nay»⁶⁵. Трудно было пройти мимо столь потрясающего «самостоянья человека». Этот мотив на какое-то время мог затмить все остальные, в том числе и вопрос о мере виновности шотландской королевы. Более того, составители обоих изданий (как и Вальтер Скотт) склонялись к полному оправданию Марии от предъявленных ей обвинений. В издании 1809 г. были опубликованы пресловутые «письма из ларца», фигурировавшие на суде письма Марии к Босуэллу (ее любовнику, впоследствии мужу, организатору убийства Дарнли), добытые из его шкатулки и послужившие основанием для обвинения Марии в соучастии в убийстве. Русский издатель прямо называет их «подложными»⁶⁶, обнаруживающими множество нестыковок. При отсутствии подлинников это были, как утверждается, искусно составленные псевдопереводы⁶⁷, автором коих назывался шотландский историк, писатель и политик Джордж Бьюкенен (George Buchanan, 1506–1582), использовавший их в своих печатных инвективах 1571–1572 гг.⁶⁸ Их разоблачению посвящено вошедшее в книгу «Разсуждение о невинности Королевы

⁶⁴ Переписка Марии Стюартъ... Ч. 2. С. 15.

⁶⁵ *Lettres inédites*... Р. 94. Что бы со мной ни случилось, я никогда не смогу, сердцем и словами, быть кем-то иным, кроме как самой собою (*фр.*).

⁶⁶ Переписка Марии Стюартъ... Ч. 3. С. 83. Утверждается даже, что «Елизавета знала о выдумкѣ сихъ писемъ» (Там же. С. 110).

⁶⁷ Примѣчаніе на нѣкоторыя пункты подложныхъ писемъ Маріи Стюартъ // Там же. С. 109–135.

⁶⁸ Прежде всего: <Buchanan George>. Ane Detection of the duinges of Marie Quene of Scottes, tousand the murder of hir husband, and hir conspiracie, adulterie, and pretended mariage with the Erle Bothwell. And ane defence of the trew Lordis, mainteineris of the Kingis graces actioun and authoritie. Translatit out of the Latine quhilke was written by G. B. [London: John Day, 1571]. (Разоблачение шотландской королевы Марии относительно убийства ее мужа, а также заговора, супружеской измены и притворного брака с Эрлом Босуэллом. А также защита трех лордов, хранителей Короля и одобрение действия властей. Перевод с латинского G. B. — *англ.*).

Марии Стюартъ, природной и законной владѣтельницы Шотландской»⁶⁹ «неизвестного» сочинителя того времени.

Вопрос о подлинности «писем из ларца» был и остается предметом бесконечных споров исследователей. Характерный «психологический» аргумент сформулировал Стефан Цвейг: «Но Меррей, Мэйтленд и Бьюкенен, которым попеременно и наудачу присяжные защитники Марии Стюарт приписывают этот подлог, не были ни Шекспирами, ни Бальзаками, ни Достоевскими, а всего лишь плюгавыми душонками, правда, гораздыми на мелкое мошенничество, но уж, конечно, неспособными создать в стенах канцелярий такие потрясающие своей правдивостью признания, какими письма Марии Стюарт предстают всем векам и народам» [Цвейг, 1963: 174–175]. Тем не менее современный исследователь, тщательно проанализировавший эти документы, пришел к выводу, что если не все письма, то самые разоблачительные их фрагменты являются подтасовкой [Гай: 489–534]. Мы не имеем права приписывать Достоевскому столь тонкий историко-текстологический анализ, однако можно предполагать, что «психологические» сомнения вроде цвейговских вполне могли посетить и его. В таком случае весь образ Марии Стюарт начинает колебаться в лоне моральной неопределенности.

5

1839 год принес еще одну новинку, мимо которой вряд ли прошел Достоевский, пристально следивший за французской словесностью: Александр Дюма выпустил первый том из восьмитомной серии исторических новелл «Знаменитые преступления». Второй том вышел на следующий год, и самым большим повествованием здесь была «Мария Стюарт», переходившая из одного тома в другой⁷⁰. Развивая тему женского соперничества, заданную Шиллером, Дюма не без лукавства замечал, что «подлинным и величайшим преступлением» Марии Стюарт было ее превосходство над Елизаветой I в телесной красоте и грации: «...будь в ее лице или сложении какое-либо несовершенство, она не умерла бы на эшафоте»⁷¹. После столь изысканного *mot pour dire*⁷² французский писатель предположил, что Мария «всегда была более женщина, нежели королева, в отличие от Елизаветы, бывшей прежде всего королевой, а уж потом женщиной»⁷³. Это была явная поправка к Шиллеру, у которого Елизавета прежде женщина и только потом королева. Трудно сказать, как отнесся к такой поправке Достоевский в случае знакомства

⁶⁹ Переписка Марии Стюартъ... Ч. 4. С. 5–43.

⁷⁰ Dumas A. Marie Stuart. 1587 // Crimes célèbres par Alexandre Dumas. Paris: Administration de librairie. 1839. Т. 1. Р. 275–318; Т. 2. 1840. Р. 3–249.

⁷¹ Дюма А. Мария Стюарт / пер. с франц. Л. М. Цивьяна, под ред. Ю. Б. Корнеева // Дюма А. Собр. соч.: в 35 т. М.: ФРЭД, 1993. Т. 47 [доп.]: Знаменитые преступления. Вып. 1. С. 192.

⁷² Острое словцо (*фр.*).

⁷³ Дюма А. Мария Стюарт. С. 205.

с данным текстом, но само по себе акцентирование, вослед Шиллеру, психологической коллизии (женщина в королеве), как можно предположить, было ему не чуждо.

Дюма включил в свое повествование «письма из ларца», уличающие Марию в убийстве Дарнли, сопроводив их ремаркой «то ли подлинные, то ли поддельные»⁷⁴. Самого Дарнли Дюма рисует как жестокого ревнивца, организовавшего убийство Риччо, музыканта и секретаря Марии, буквально на ее глазах (гравюра, изображавшая эту кровавую сцену в будуаре королевы, сопровождала текст повествования), так что последующее убийство убийцы под пером Дюма обретало видимость восстановленной справедливости в духе позднейшего монтекристовского отмщения. Окончательный вердикт писателя, при всей легкости развлекательного жанра, не был лишен основательности:

«Была ли королева сообщницей убийства [Дарнли]? О том знали только она, [убийца] Босуэлл и Бог. Но в любом случае ее поведение [выгораживание Босуэлла и замужество с ним], как всегда неразумное, придало обвинению, которое выдвинули против нее враги, если уж не прочность, то, по крайней мере, видимость правдоподобия»⁷⁵.

Заметим, что на этом последнем обстоятельстве фиксировал внимание и другой французский автор Ф. Шаль (см. далее), оно вполне могло быть обыграно в пьесе Достоевского⁷⁶.

Значительную часть очерка Дюма занимает история заточения Марии в замке Лохливен и бегства из него с последующим проигранным сражением — повествование об этих событиях во многом заимствовано из романа Вальтера Скотта «Аббат». В описании предсмертных страданий Марии Дюма активно использовал также материалы, опубликованные в только что вышедшей книге Лобанова-Ростовского, в частности, приведенное выше письмо шотландской королевы герцогу Гизу и отчет о казни. Таким образом, Достоевский если и не прочел их в книге Александра Лобанова-Ростовского, мог восполнить этот пробел через посредничество Александра Дюма. Мы

⁷⁴ Дюма А. Мария Стюарт. С. 226.

⁷⁵ Там же. С. 220.

⁷⁶ Похоже, так примерно интерпретирует этот эпизод С. Цвейг: «Именно сейчас, когда ей надо разыграть безутешную скорбь и потрясти патетической игрой весь мир, чтобы он безоговорочно поверил в ее невиновность, именно сейчас она устало роняет маску; какое-то окаменение чувств, жестокий душевный столбняк, какое-то необъяснимое равнодушие находит на нее; безвольная, она и не пытается защищаться, когда над ней дамочным мечом нависает подозрение. Этот странный душевный столбняк, поражающий человека в минуты опасности и словно замораживающий его, обрекая на полное бездействие и безучастие в минуты, когда ему особенно необходимы притворство, самозащита и внутренняя собранность, сам по себе не представляет ничего необычного. Подобное окаменение души — лишь естественная реакция на чрезмерное напряжение, коварная месть природы тому, кто нарушает ее границы» [Цвейг, 1963: 208–209].

же полагаем, что беллетризованная французским писателем история могла послужить углублению замысла Достоевского: Дюма остро подметил психологически противоречивый, на грани парадокса, характер главной героини. Писатель развил тему в романе «Две Дианы» (1846), где Мария Стюарт, юная принцесса, а затем королева французская, выступает благодетелем главного героя и безуспешным спасителем Франциска II, любимого и любящего мужа, противопоставляя интригам и кровавому политическому и религиозному междоусобию правоту сердца, гибельную для нее самой⁷⁷.

6

Как бы в продолжение сказанного Дюма, но куда более документированную и взвешенную позицию в спорах о Марии Стюарт занял французский эссеист, философ, историк, литературный критик Филарет Шаль (см. о нем: [Дмитриева]), его статья была опубликована в январско-мартовском номере популярного французского журнала⁷⁸ (см. *Илл.* 5) и оперативно переведена «Отечественными записками»⁷⁹ уже для апрельского номера в том же 1841 г. В этом же журнале (1841 г., № 10) ее усиленно рекомендовал к прочтению В. Г. Белинский:

«...этот исторический отрывок представляет все элементы драмы, кроющиеся в английской истории»⁸⁰.

Высказывалось предположение: «Быть может, статья Шаля и этот отзыв Белинского, появившиеся в 1841 г., в известной мере способствовали кристаллизации замысла Достоевского» [Гозенпуд: 49].

Так или иначе, но следует признать, что эта, пожалуй, самая глубокая на то время трактовка событий вовремя легла на стол драматурга Достоевского: 1841 г. по хронологии Ризенкампа — период наиболее интенсивной работы над пьесой «Мария Стюарт». Статья Шаля представляет собою компиляцию и обсуждение недавно опубликованных источников⁸¹. В вопросе

⁷⁷ Считается, что роман «Две Дианы» был лишь опубликован под именем Дюма, но написан, согласно дневнику Гонкуров, литературным «негром». Возможно, так оно и было отчасти, но линия Марии Стюарт убеждает нас в обратном, обнаруживая концептуальное, а иногда и дословное совпадение с предшествующим опытом Дюма — беллетризованной биографией шотландской королевы.

⁷⁸ Chasles Philarète. Documents inédits sur Marie Stuart // *Revue des Deux Mondes*. 1841. Т. 25. Р. 5–52. (Шаль Филарет. Неопубликованные документы о Марии Стюарт. — *фр.*)

⁷⁹ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. Новая, бывшія доселѣ неизвѣстными свѣдѣнія о ея жизни [В оглавлении тома: Статья Филарета Шаля] // *Отечественныя Записки*. 1841. Т. 15. № 4. Отд. II: Науки и Художества. С. 94–124.

⁸⁰ <Белинский В. Г.> Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову. Собранные М. Сухановым // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1979. Т. 4: статьи, рецензии и заметки. С. 152.

⁸¹ Tytler P. F. *History of Scotland*. V. 6. Edinburgh, 1837. V. 7. Edinburgh, 1840 (Титлер П. Ф. История Шотландии. — *англ.*); Raumer F. *Briefe aus Paris zur Erläuterung der Geschichte des 16 und 17 Jahrhunderts*. Leipzig, Brockhaus, 1831 (Раумер Ф. Письма из Парижа, разъясняющие

о подлинности «писем из ларца» он занял позицию, отличную от рассмотренных выше авторов, заявив:

«Защитники королевы упорно признають лживыми письма, изданныя Бочененомъ [Бьюкененом]; но эти письма, по счастливому выраженію Робертсона⁸², содержать въ себѣ подробности, столь сообразныя съ обстоятельствами и показаніями многихъ свидѣтелей, что безпристрастному судѣ трудно усомниться въ ихъ подлинности»⁸³.

Нарочито объективистскую позицию, ссылаясь на «новые открытия», Шаль занял и относительно непростых отношений Марии с Елизаветой:

«Мы видимъ, что обѣ королевы равно виноваты: и Марія, легкомысленная, страстная, необузданная, — и Елизавета, коварная, жестокая, ревнивая, кровожадная»⁸⁴.

Вместе с тем Шаль, в отличие от Шиллера и Дюма, за психологической коллизией двух сильных женщин предлагает увидеть третью силу — стоящих за каждой из королев могущественных кукловодов:

«Гизы руководствовали страстями и честолюбіемъ Маріи; за Елизавету стоялъ весь ея народъ и вся протестантская Европа»⁸⁵.

Мария, таким образом, оказалась на острие эпохальной кровавой схватки, имевшей религиозный смысл: реформатский север восстал против католического юга. Герцоги лотарингские Гизы пытались с помощью Марии вернуть Шотландию (а за нею и Англию) под владычество папы римского, однако «это предпріятіе <...> шло наперекоръ духу самого народа»⁸⁶.

Шаль выводит на сцену еще одного героя, выразителя того самого народного духа, англиканского проповедника, сурового и беспощадного Джона Нокса (между 1505/1515 — 1572). Именно на его фоне и в столкновении с ним рисуется портрет Марии Стюарт:

историю XVI и XVII вв. — *нем.*); State Papers During the Reign of Henry VIII. 11 vols. London, 1830–1852 (Официальные документы времен правления Генриха VIII. 11 томов. — *англ.*) и уже знакомое нам издание Лобанова-Ростовского.

⁸² Robertson William. The History of Scotland, During the Reigns of Queen Mary and of King James VI. London: Printed for J. Richardson, 1759 (Робертсон У. История Шотландии в правление королевы Марии и короля Якова VI. — *англ.*).

⁸³ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 118. В журнале вместо «подлинности» напечатано «подложности». Исправляем по оригиналу, где стоит слово «authenticité» (Chasles Philarète... Р. 44). Опечатка, кардинально меняющая смысл предложения, думается, не была случайностью, выражая, возможно, позицию не известного нам переводчика.

⁸⁴ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 95.

⁸⁵ Там же. С. 95.

⁸⁶ Там же. С. 96.

«Это олицетворенный югъ, во всей красѣ своихъ неотразимыхъ обольщеній, выдерживающій бесплодную, драматическую битву съ суровымъ сѣверомъ. Съ нею въ Шотландію переселилась любовь, красота, искусство, щегольство, сердечное увлеченіе, прелесть наружнаго обращенія, слезы убѣжденія⁸⁷, слѣпота страсти. Въ этомъ столкновеніи двухъ партій, предводительствуемыхъ суровымъ Ноксомъ и страстною Марією, женщина не уступила ни шага: она не подчинилась ни правиламъ, ни желаніямъ сердца, ни сладострастію, ни преступленію. Въ моей простодушной біографіи, которой мелочныя подробности, бывшія доселѣ неизвѣстными, съ величайшей осмотрительностію извлечены изъ упомянутыхъ документовъ, въ этой біографіи вы увидите, что трагедія, разыгрываемая челоуѣчествомъ въ мірѣ дѣйствительномъ, гораздо занимательнѣе и ужаснѣе художественныхъ созданій Вальтера Скотта, Гомера и Шекспира»⁸⁸.

Шаль приводит воистину «шекспировскую сцену, описанную самимъ Ноксомъ». Она разыгрывается после слов проповедника, что подданные имеютъ право не повиноваться своимъ повелителямъ, если те переступаютъ границы, положенныя имъ Богомъ:

«Марія стояла передъ нимъ, безмолвная и оцѣпенѣвшая.

— Хорошо, сказала она послѣ долгаго молчанія. Вижу, что подданные мои будутъ повиноваться вамъ, а не мнѣ. Я буду пріучаться исполнять ихъ приказанія, а не повелѣвать ими.

— Не дай Богъ! Онъ самъ называетъ королей пѣстунами, а королевъ кормилицами Своей церкви.

— Да; но ваша церковь не та, которой я желаю быть матерью и кормилицей. Я буду защищать церковь римскую, истинную церковь Божію.

Ноксъ вспыхнулъ.

— Римская церковь уничтожена, опозорена.

— Совѣсть убѣждаетъ меня въ противномъ.

— Ваша совѣсть еще не озарена свѣтомъ истины»⁸⁹.

В понимании Шаля характеръ Маріи «весь созданный изъ страстей, которыхъ она не умѣла обуздывать»⁹⁰, и вместе с тем она не жертва страстей, какъ ее обычно представляютъ, не страдальца, «но жена дѣлъ и подвиговъ, истая дочь Гизовъ, питомица Екатерины Медичи, пламенная, полная энергіи, раба страстей своихъ, непредвидящая препятствій, слѣпо стремящаяся къ опасности, неутомимая въ проискахъ, неукротимая въ побужденіяхъ

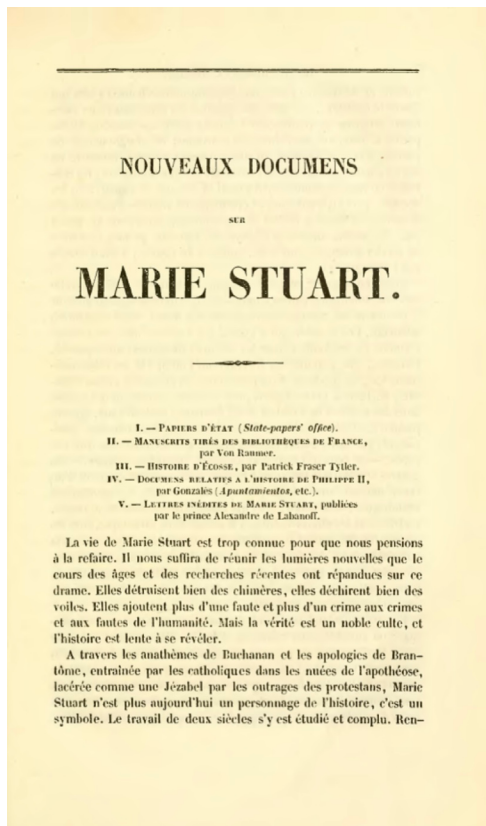
⁸⁷ В подлиннике (Chasles Philarète... P. 9): «дар слез» (le don des larmes).

⁸⁸ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 96–97. В подлиннике (Chasles Philarète... P. 9) далее: «qui ne sont créateurs qu'après Dieu» (которые являются творцами только после Бога).

⁸⁹ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 101.

⁹⁰ Там же. С. 98.

сердца, красноречивая, тщеславная, властолюбивая, всегда увлекающая и увлекаемая. Этотъ характеръ занимателенъ и достоинъ изученія, какъ и характеръ поэта»⁹¹.

Илл. 5. Титульный лист статьи Ф. Шаля в журнале “Revue des Deux Mondes”, 1841 г.

Fig. 5. The title page of the article by Ph. Chasles in the journal “Revue des Deux Mondes”, 1841

По поводу убийства Дарнли Шаль поддерживает и усиливает версию Шиллера:

«Марія дѣйствительно была виновна: она не внушала мысли объ убійствѣ, но знала объ этомъ предпріятіи и не остановила его»⁹².

⁹¹ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 100.

⁹² Там же. С. 110.

Этот мотив в глазах будущего автора «Братьев Карамазовых» был действительно достоин изучения.

Не лучше были и противники королевы, в свою очередь замышлявшие тайное ее убийство. Реформатские священники «Нокс и Крэгъ спрашиваемы были относительно законности убийства. Они отвѣчали, что спасение церкви Божией можетъ быть куплено цѣною крови идолопоклонника. Заглянувъ поглубже въ тайны исторіи, мы всегда найдемъ въ ней добродѣтелей менѣе, а преступлений болѣе, нежели сколько кажется съ перваго взгляда. Протестантская Шотландія и теперь еще дивится, узнавая, что обожаемый ею Ноксъ одобрилъ убийство бѣднаго музыканта»⁹³. Ситуация повторилась, когда Берли, министр Елизаветы, «официально спрашивалъ у англиканскихъ епископовъ, можно ли въ подобныхъ обстоятельствахъ [когда шотландская королева стала надеждой католиков] законнымъ образомъ казнить Марію. Утвердительный отвѣтъ епископовъ до-сихъ-поръ хранится въ Британскомъ Музѣе. <...> ...исторія, преисполненная злодѣйствъ, даритъ насъ болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ глубже спускаемся мы въ тайники ея»⁹⁴.

Достоевский в начале своего творческого пути это и сделал: он погрузился в тайный сумрак и свет европейской истории, этот опыт, как мы полагаем, был фундаментально важен для его духовного становления.

Еще один мотив, проходящий через все рассмотренные издания, мог привлечь Достоевского, недавно пережившего смерть отца и ощущавшего определенную вину перед ним. Это взаимоотношения Марии со своим сыном, еще во младенчестве поставленным на шотландский престол сместившими ее лордами. В письмах королевы проглядывает тоска матери, на много лет насильственно разлученной со своим ребенком⁹⁵, и в то же время Мария понимает, что воспитанный в другой вере Яков (его воспитателем был упомянутый Бьюкенен) оказался чуждым ее помыслам и убеждениям. Королева была поставлена перед жестоким выбором, и она его сделала в пользу убеждений. В тайном письме к испанскому посланнику от 20 мая 1586 г. (найденном и напечатанном Лобановым) она выразила готовность к смещению сына-протестанта с шотландского трона и передаче последнего под испанскую корону, верную католичеству:

“...me sentant plus obligée de respecter en cela le bien universel de l'Église, que avec le détriment d'icele a grandeur particulier de ma postérité”⁹⁶.

⁹³ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 107. «Музыкант» — итальянец Давид Риччо, секретарь Марии, зверски убитый заговорщиками-протестантами.

⁹⁴ Там же. С. 121.

⁹⁵ Так, в письме к Елизавете от 28 ноября 1582 г. мы слышим этот стон: «Милостивая Государыня, какой законъ не позволяетъ матери помогать сыну своему, кольми паче не получать извѣстия о его состояніи?» (Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 2. С. 55).

⁹⁶ Lettres inédites... Р. 139. Я чувствую себя обязанной уважать благо Церкви больше, чем, с ущербом ей, величие моего потомства (*фр.*).

Схожую мысль годом раньше она довела и до своих французских друзей⁹⁷ после вежливо-уклончивого письма от сына⁹⁸. Было понятно, что и сын в свою очередь верность новой церкви поставил выше родственных чувств. Так или иначе, вольно или невольно, но своим отношением Яков попустил казнь матери, как бы потом он ни заботился о почитании ее памяти (когда, после смерти, она была уже безвредна для протестантского государства). И мать, и сын при всем разногласии были, что называется, одного поля ягоды, возвращенные эпохой. Мария отменно выразила это состояние духа:

«...вся Европа почти была свидѣтельницаю сколь много люди привержены къ своей Религіи; Я про себя скажу, еслибы стали явно нападать на вѣру, то я готова съ Божіею помощію лучше пролить кровь свою предъ цѣлымъ свѣтомъ, нежели перемѣнить свою вѣру»⁹⁹.

Шаль дал честную и беспристрастную оценку исторической ситуации, подчинившей себе героев разыгравшейся трагедии:

«Но еще не однимъ кровавымъ пятномъ, не однимъ вѣроломствомъ ознаменуется борьба двухъ цивилизацій, прежде, нежели голова Маріи, скатившаяся съ плахи подъ топоромъ палача, возвѣститъ рѣшительное паденіе католицизма въ Шотландіи»¹⁰⁰.

Роковая судьба Марии была обусловлена ее преданностью вере, которую оставил ее народ. Достоевский, знакомясь с перечисленными документами и их трактовками, близко подошел к трагедии личности, какую еще не знала литература, но уже разыгрывала история.

7

По версии Шиллера (очевидно, разделяемой Достоевским), Мария Стюарт была приговорена к смертной казни за преступления против Англии и королевы Елизаветы I, которых она не совершала: заговорщики, за связь с которыми обвинили Марию, хотели ее посадить на английский трон, что совсем не означает, будто их кумир был полностью посвящен в эти планы. На суде Мария признала лишь тот факт, что надеялась с их помощью обрести наконец свободу. При этом немецкий драматург устами самой же героини признает ее вину в другом грехе — в убийстве Дарнли: она знала о готовящемся преступлении и своим поведением спровоцировала его. Шиллеровская Мария смиренно принимает свою участь как заслуженное ею наказание — но не за преступление против Елизаветы, за которое ее судят

⁹⁷ Переписка Маріи Стюартъ... Ч. 2. С. 139–143.

⁹⁸ Там же. С. 135–136.

⁹⁹ Там же. Ч. 3. С. 26.

¹⁰⁰ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 113.

и которого она не совершала, а за грехи легкомысленной молодости. Для читателей «Братьев Карамазовых» оба конструктивных мотива, и неявного преступления и неадекватного наказания, очень знакомы, они весомо отозвались в последнем романе писателя. В драме Шиллера история убийства Дарнли — сюжет побочный, он обсуждается только в одном четвертом явлении первого действия, а далее отступает в тень, акцент же сделан на несправедном суде и зловещей ответственности за него, которую так не хочет принимать на себя Елизавета, в конечном счете взвалив ее на подвернувшегося «стрелочника». Проблему вины и ответственности, остро поставленную Шиллером более всего относительно Елизаветы, Достоевский мог целиком перевести на Марию, которую симпатизирующий ей немецкий драматург (как впоследствии и Вальтер Скотт) во многом избавил от столь тяжкого груза¹⁰¹.

Своеобразный первоэлемент пьесы Достоевского заключен был, как нам представляется, в указанном четвертом явлении первого действия трагедии Шиллера, в диалоге Марии и Анны Кеннеди, ее старой кормилицы:

“Maria.

Ich erkenn’ ihn.
Es ist der blut’ge Schatten König Darnleys,
Der zürnend aus dem Gruftgewölbe steigt,
Und er wird nimmer Friede mit mir machen,
Bis meines Unglücks Maaß erfüllet ist.

Kennedy.

Nicht Ihr habt ihn gemordet! Andre thaten’s!

Maria.

Ich wußte drum. Ich ließ die That geschehn
Und lockt’ ihn schmeichelnd in das Todesnetz.

Kennedy.

Da Ihr die That geschehn ließ’t, war’t Ihr nicht
Ihr selbst, gehörtet Euch nicht selbst. Ergriffen
Hatt’ Euch der Wahnsinn blinder Liebesglut,
Euch unterjocht dem furchtbaren Verführer,
Dem unglücksel’gen Bothwell — Ueber Euch
Mit übermüth’gem Männerwillen herrschte
Der Schreckliche, der Euch durch Zaubertränke,
Durch Höllenkünste das Gemüth verwirrend <...>.
Doch Ihr seid¹⁰² keine
Verlorene — ich kenn’ Euch ja <...>
<...> es gibt böse Geister,
Die in des Menschen unverwahrter Brust
Sich augenblicklich ihren Wohnplatz nehmen,

¹⁰¹ По удачному выражению современного исследователя Б. Диаза, душа шиллеровской Марии Стюарт «через страдание, раскаяние и смерть возвращается к изначальной чистоте» (цит. по: [Загустина]). Такое прочтение, думается, могло быть близким и Достоевскому.

¹⁰² В тексте издания нами исправлена опечатка: seyd.

Die schnell in uns das Schreckliche begehnt
Und zu der Höll' entfliehend das Entsetzen¹⁰³
In dem befleckten Busen hinterlassen¹⁰⁴.

«*Марія.*

Я узнаю ее: она, она,
Кровавая тѣнь Короля Дарнлея,
Встаетъ, гнѣвна изъ гробоваго свода,
И примиренья между нами нѣтъ,
До дня, когда моихъ страданій мѣра
Исполнится. <...>

Кеннеди.

Не вы
Его убили, не отъ васъ онъ палъ.

Марія.

Я знала объ убійствѣ; допустила
Его свершить, и въ гибельную сѣть
Его сама, лаская, заманила. <...>

¹⁰³ В тексте издания нами исправлена опечатка: Ensetzen

¹⁰⁴ Schiller's sämmtliche Werke... S. 418–419.

Марія.

Я узнаю его.
Это кровавая тень короля Дарнли,
Который в гнѣве из свода гробницы восстает,
И он никогда мира со мной не заключит,
Пока моего несчастья мера не исполнится. <...>

Кеннеди.

Не вы его убили! Другие это сделали!

Марія.

Я знала это. Я позволила этому случиться
И заманила его льстиво в сети смерти. <...>

Кеннеди.

Когда вы совершили это деяние, вы не были
Собой, не принадлежали себе. Охваченные
Не были ль вы безумием слепого любовного пыла,
Вы покоряетесь ужасному соблазнителю,
Злополучному Ботвеллу — над вами
Чрезмерная мужская воля преобладала
Ужасного, который напоил вас волшебными зельями,
Сбивающими с толку адскими искусствами <...>

Но вы не являетесь
Потерянной (заблудшей) — я знаю вас ведь <...>
<...> есть злые духи,

Которые в человеческой открытой груди
Мгновенно занимают свое жилое место,
Которые быстро в нас ужасное свершают
И, убегая в ад, повергают в ужас,
В запятнанной груди оставленный (*нем.*).

Кеннеди.

Въ мгновение, когда
 Свершалось дѣло страшное, вы были
 Въ забвеньи, внѣ себя. Любовь слѣпая
 Безумье страсти овладѣли вами
 И подчинили Боттвелю, злодѣю,
 Прельстителю; И вами правилъ грозный,
 Какъ самовластный, своенравный мужъ;
 Напитками и чарами геенны
 Воспламенялъ васъ, затмѣвая умъ <...>
 Но вы — я знаю васъ — вы не развратны <...>.
 <...> Злые духи, на мгновение ока,
 Вселяются въ грудь человѣка; въ ней
 Кладутъ основу гибельному злу...»¹⁰⁵.

То, что у Шиллера только намечено и оставлено в дальнейшем ходе действия, Достоевский, можно предположить, развернул с опорой на новые исторические источники и их трактовки в литературе.

Так, Шаль большое значение придает истории «безумной» любви-страсти Марии к Босуэллу, которая «влекла ее въ бездну»:

«Можно написать цѣлую книгу, рассказывая любопытныя событія, заключающіяся въ современныхъ рукописяхъ, запискахъ и письмахъ, которыя всѣ ясно доказываютъ, что Марія въ это время предавалась очарованію самой необузданной любви¹⁰⁶, не внимавшей голосу убѣжденій и опасеній»¹⁰⁷.

Шаль передает ее слова, запомнившиеся герцогу Бетфорду:

«Что мнѣ за дѣло, если за него [Босуэлла] мнѣ придется потерять Францію, Англию и Шотландію! Я не разстанусь съ нимъ, и въ одной бѣлой юбкѣ пойду за нимъ на край свѣта»¹⁰⁸.

Став мужем Марии, Босуэлл не только послужил отторжению королевы от своего народа (не принявшего этого брака), но и принес лично ей неисчислимыя страдания. Марии пришлось вскоре притворяться, изображая

¹⁰⁵ Избранный нѣмецкій театръ... С. 17–21.

¹⁰⁶ В подлиннике (Chasles Philaret... P. 37): “Marie livrée à la passion la plus aveugle, à cette hallucination impérieuse” (Мария отдалась самой слепой страсти, этой непреодолимой галлюцинации. — *фр.*).

¹⁰⁷ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 113, 114. Приведем заключение современного исследователя: «...никто и никогда не представил неопровержимых доказательств того, что Мария знала о готовящемся убийстве Дарнли. Всѣ основывалось на предположении, что она уже изменяла мужу с Босуэллом. Ее репутацию уничтожило то обстоятельство, что она не отдала Босуэлла волкам, а решила бросить вызов всему миру и встать на сторону графа» [Гай: 387].

¹⁰⁸ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 114. Белая юбка, надо понимать, исподнее белье.

счастливый брак вопреки всем и вся (по свидетельствам французского и итальянского посланников, подтверждаемым донесениями английских агентов):

«Она притворилась веселою, щеголяла въ бархатной одеждѣ, прогуливалась по городу, присутствовала на турнирахъ и поединкахъ. Но иногда, среди этихъ веселыхъ праздниковъ, слезы текли по блѣднымъ щекамъ ея. Ботсуэль, всегда владѣвшій собою, дома господствовалъ надъ Маріей, а публично оказывалъ ей чрезвычайное уваженіе и говорилъ съ нею не иначе, какъ съ покрытою головою. Однажды Марія, въ порывѣ дѣтскаго кокетства, схватила токъ съ перьями и надѣла его на голову своего супруга. Когда они сидѣли дома одни, изъ комнаты слышались крики, стенанія; однажды Марія вскрикнула: "дайте мнѣ ножъ: я зарѣжусь!" Эти подробности передаетъ намъ Мельвиль, другъ Маріи. <...> Эти бури были неразлучны съ такимъ союзомъ, который основанъ на кровавомъ преступленіи и возбуждалъ безпрестанно угрызенія совѣсти, неизбежное слѣдствіе столкновенія двухъ сердець властолюбивыхъ и высокомѣрныхъ»¹⁰⁹.

«Эти бури» выглядят как будто вышедшими из романов Достоевского. Подробно разбиравшийся в «страстях» Марии Стюарт (и во многом следовавший за Шалем) Стефан Цвейг впоследствии не удержался от замечания: «Только Шекспир, только Достоевские способны создавать такие образы, а также их величайшая наставница — Действительность» [Цвейг, 1963: 198].

После всего сказанного естественно предположить, что Достоевский в итоге расширил воздействие на собственный текст общих с Шиллером «исходных моментов <...> мышления» [Чижевский: 53], а именно: неприятие «крови по совести», в каких бы смягчающих вину обстоятельствах ни совершалось преступление роковой черты. Вместе с тем, и здесь Достоевский оставался верен как Шиллеру, так и новооткрытым историческим свидетельствам¹¹⁰: вина Марии была оплачена «годами <...> раскаянья, страданій»¹¹¹. А поистине героическое поведение накануне казни и перед палачами (открывшиеся Достоевскому из прочтенных книг) делали шотландскую королеву теперь уже стойкой мученицей за веру. Двуплановость образа формировалась в процессе освоения источников.

При создании образа Марии Стюарт перед глазами Достоевского стояли возвышенные в своем самопожертвовании ради любви женщины Шиллера (Амалия, Леонора, Луиза, Текла) и Вальтера Скотта (Ребекка). Был еще один

¹⁰⁹ <Шаль Филарет>. Марія Стюартъ. С. 116.

¹¹⁰ Иная точка зрения была высказана в специальной словарной статье: «...обнаружились [в литературе и в мемуарах Ризенкампа] две противоречивые версии относительно содержания утраченного текста пьесы "Мария Стюарт": 1) пьеса написана "по следам" Шиллера и его концепции "страстного" противостояния сильных характеров; 2) пьеса создавалась вопреки Шиллеру "на историческом материале" <...>. Невозможно гипотетически предположить большую или меньшую вероятность этих версий» [Загидуллина: 309]. Как показано выше, две названные «версии» не только не противоречили друг другу, но вполне могли быть синтезированы Достоевским.

¹¹¹ Избранный нѣмецкій театръ... С. 18.

важный источник, упомянутый в письме Достоевского к брату 1 января 1840 г.:

«У Расина нет поэзии? У Расина, пламенного, страстного, влюбленного в свои идеалы Расина, у него нет поэзии? И это можно спрашивать. Да читал ли ты "Andromaque", а? брат! Читал ли ты "Iphigénie"; неужели ты скажешь, что это не прелестно. <...> Каковы у него женщины! <...> А "Phedre"? Брат! Ты бог знает что будешь, ежели не скажешь, что это не высшая, чистая природа и поэзия. Ведь это шекспировский очерк, хотя статуя из гипса, а не из мрамора» (ДЗ0; т. 28; 70).

Образ Марии Стюарт в пьесе Достоевского в данном контексте видится как синтез потрясших его женских «очерков» Расина: жертвенного стоицизма Андромахи, Ифигении и смертоносной страсти Феды ("ma fureur"¹¹² вопреки "ma raison"¹¹³ — «Федра», д. 3, явл. 1). Высокий, гордый дух Марии Стюарт сошелся в тайниках ее души с бессилием перед могучим влечением плоти. В глазах Достоевского она более всего близка оказалась расиновской Федре. Двухличие последней проявилось между прочим и в придуманном французским драматургом новом повороте античного сюжета: Федра не сама клеветает на Ипполита, но как бы позволяет сделать это безгранично преданной ей наперснице, за что ее же затем и проклиняет, доведя до самоубийства. На этот мотив перекалывания ответственности за преступление Достоевский выходил на разных путях: и читая Шиллера, и расследуя поступки исторической Марии Стюарт, и обнаруживая нечто подобное у Расина. Логично предположить, что сюжет неявной и слишком поздно осознанной вины присутствовал в первом произведении писателя¹¹⁴, дабы затем отозваться в «Бесах» (Ставрогин — Петр Верховенский) и в «Братьях Карамазовых» (Иван — Смердяков).

Можно с некоторой уверенностью предположить, что в нескончаемых спорах вокруг вины Марии Стюарт версия Достоевского не была однозначной. Она, по всей видимости, определялась тогдашней его, романтической по истокам, антропологией двоемирного существования личности. В письме к брату Михаилу 9 августа 1838 г. он был особенно откровенен:

«Не знаю, стихнут ли когда мои грустные идеи? Одно только состоянье и дано в удел человеку: атмосфера души его состоит из слиянья неба с землею; какое же противузаконное дитя человек; закон духовной природы нарушен... Мне кажется, что мир наш — чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию» (ДЗ0; т. 28; 50).

¹¹² Мое неистовство (*фр.*).

¹¹³ Мой рассудок (*фр.*).

¹¹⁴ То же и во второй драме Достоевского, в «Борисе Годунове», что еще предстоит обсудить в следующей нашей статье.

Горькие реплики Гамлета встают за этими строками, а в еще большей степени — шиллеровский мотив искажения идеала, прошедшего через сито человеческой природы (Карл, Фиеско, Поза, Мортимер, Валленштейн). При таком философском настрое и под таким углом зрения увидел начинающий писатель своего первого героя.

Перед Достоевским при обдумывании всех обстоятельств истории Марии Стюарт в полный рост могла встать еще одна проблема, которую следует определить как проблему гносеологической неопределенности. Его историографические штудии, скорее всего, уперлись в ситуацию, описанную аналитиком следующего века: «...чем добросовестнее изучаешь источники, тем с большей грустью убеждаешься в сомнительности всякого исторического свидетельства вообще» [Цвейг, 1963: 6]. Автор этих строк Стефан Цвейг всерьез полагал, что жизненная трагедия Марии Стюарт является «классическим, коренным примером того неистоимого очарования загадки, какое исходит порой от исторической проблемы», а «загадка будит творческую мысль» [Цвейг, 1963: 5–6]. Австрийский писатель повторил, по существу, вывод, сделанный его шотландским предшественником (чей образ блистательной королевы он все же оспорил) в предисловии к роману «Аббат»: Мария Стюарт «привлекательна своим умом, красотой, трагической участью и атмосферой тайны, которая сейчас и, видимо, вечно будет связана с ее историей»¹¹⁵.

8

Раннее увлечение Шиллером пишущие о Достоевском привычно противопоставляют его первому роману «Бедные люди», когда «впервые в жизни наряду с мечтами, прожектами и отвлеченной верой в себя появилось реальное сочинение. С ним он и шагнет в большую литературу, определившись не как драматург и даже не как переводчик, а как романист» [Сараскина: 125]¹¹⁶. Для такой версии имеется вроде бы подтверждение от самого писателя в автобиографическом эпизоде «Петербургских сновидений в стихах и прозе»:

¹¹⁵ Скотт В. Аббат / пер. А. Г. Левинтона и В. Е. Шора // Скотт В. Собр. соч.: в 20 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 10. С. 14.

¹¹⁶ Исследователь предлагает три варианта отказа начинающего писателя от своих драматических опытов, с которыми нам трудно согласиться: «Можно предположить, что прапорщик Достоевский по безалаберности и домашнему беспорядку утерять бесценные свидетельства своих первых опытов. Можно вообразить, что Достоевский, как искушенный читатель, вовремя охладил свой пыл, догадавшись, что сочиняемые им трагедии, в общем, уже написаны другими авторами. Можно, наконец, представить: он захотел в полной мере воспользоваться свободой и забросил до поры до времени свои литературные начинания» [Сараскина: 114]. Нам трудно представить «безалаберность» Достоевского по отношению к рукописям, оставленным «до поры до времени», о других же авторах он «догадывался» гораздо раньше. Более предпочтительна другая версия: «Архив стorer: его в панике сжег Михаил Михайлович Достоевский» после ареста брата [Захаров, 2014: 294].

«И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Всё это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон-Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники...» (ДЗ0; т. 19: 71).

Заметим, что в этой картине смены «фигур» отсутствует момент отрицания предшествующей шиллеровской, непрозаической эпохи развития художника. При «разглядывании» произошла не отмена, а *преобразование* шиллеровских героев в обыкновенного титулярного советника под знаком разрешения безнадежного дуализма романтической антропологии. В случае с Марией Стюарт захвативший Достоевского мотив морального стоицизма, героического по существу самостоянья человека, искупающего его прежние уступки силе зла, не был забыт и в новом повороте творческого пути писателя, как ни громадна дистанция, отделяющая Марию Стюарт от Макара Девушкина.

О шиллеровском «следе» в последующем творчестве Достоевского написано немало (см.: [Чижевский], [Lyngstad], [Вильмонт], [Герик], [Лысенкова], [Криницын] и др.). Как правило, речь идет о **сродстве** философско-эстетических систем и множестве тематических переключек, реминисценций. Отметим лишь одно важное для нашего исследования утверждение, что Шиллер был настроен на «преодоление кантовского дуализма», когда борющиеся в человеке разум и чувственность наконец «примиряются, объединяются и находятся в гармонии друг с другом» [Чижевский: 34]. Эта линия преемственности от Шиллера к Достоевскому вела, по существу, к рождению нового художника, испытателя человеческой природы от ее падения до подвига.

Оценивать художественные качества не дошедшей до нас пьесы мы не имеем ни малейшей возможности, наша задача скромнее и в то же время объемнее: следует по достоинству оценить сам **опыт** прохождения начинающего писателя с его тяготением к «гигантским характерам» (ДЗ0; т. 28₁: 70) — через коллизии такого героя, в котором воплотилась ни много ни мало трагедия человека в перипетиях европейской цивилизации, его (и их) преступление и наказание.

Список литературы

1. Алексеев М. П. О драматических опытах Достоевского // Творчество Достоевского. 1821–1881–1921: сб. ст. и мат-лов / под ред. Л. П. Гроссмана. Одесса: Всеукр. гос. изд-во, 1921. С. 41–62.
2. Бем А. Л. Исследования. Письма о литературе / сост. С. Г. Бочарова; предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. З. Сурат. М.: Языки славянской культуры, 2001. 448 с.
3. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
4. Битюгова И. А. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 394–451.
5. Вильмонт Н. Достоевский и Шиллер: заметки русского германиста. М. Сов. писатель, 1984. 280 с.
6. Волгин И. Л. Родиться в России. Достоевский: начало начал. М.: Акад. проект, 2018. 749 с.
7. Гай Дж. «Мое сердце принадлежит мне»: жизнь и судьба Марии Стюарт / пер. с англ. Ю. Я. Гольдберга. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. 704 с.
8. Герик Х.-Ю. Достоевский и Шиллер: предварительный опыт поэтологического сравнения // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 5–15.
9. Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Л.: Советский композитор, 1981. 224 с.
10. Гроссман Л. П. Достоевский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 1965. 608 с. (Жизнь замечательных людей. Сер. биографий; вып. 4 (357).)
11. Грэм Р. Мария Стюарт / пер. с англ. и вступ. ст. А. Ю. Серegiной. М.: Молодая гвардия, 2010. 396 с. (Жизнь замечательных людей. Сер. биографий; вып. 1483 (1283).)
12. Дмитриева Е. Е. Виктор-Эфемион-Филарет Шаль // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 256–269 [Электронный ресурс]. URL: <https://voplit.ru/article/viktor-efemion-filaret-shal/> (10.08.2023).
13. Загидулина М. В. [Неосуществленные художественные замыслы] Мария Стюарт // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 308–309.
14. Загустина И. В. Классификация женских образов в драматургии Ф. Шиллера в исследованиях европейских ученых XX столетия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 88–91 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2019/6/19.html> (10.08.2023). DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.19
15. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
16. Захаров В. Н. Куда исчез архив Достоевского 1840-х годов? // Знание. Понимание. Умение. М., 2014. № 3. С. 287–296.
17. История русского драматического театра: в 7 т. / ред. коллегия: Е. Г. Холодов (гл. ред.) и др. М.: Искусство, 1978. Т. 3: 1826–1845. 351 с. (Репертуарная сводка составлена Т. М. Ельницкой.)
18. Кирпотин В. Молодой Достоевский. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1947. 376 с.
19. Криницын А. Б. Достоевский и Шиллер // Криницын А. Б. О счастье и радости в мире Достоевского. М.: ЯСК, 2022. С. 115–239.
20. Кудряшева Н. В. Александра Михайловна Колосова-Каратыгина // Сюжеты Александринской сцены: рассказы об актерах. СПб.: Балтийские сезоны, 2006. С. 7–30.

21. Лысенкова Е. И. Аспекты проблемы Шиллера в творчестве Ф. М. Достоевского («Бедные люди», «Униженные и оскорбленные») // *Studia culturae*. 2014. Вып. 21. С. 147–154 [Электронный ресурс]. URL: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/view/361> (10.08.2023).
22. Макаров А. Н., Киричук Е. В. Образ Марии Стюарт в трагедиях К. Г. Шписса и Ф. Шиллера // *Научный диалог*. 2020. № 7. С. 266–283 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/1731> (10.08.2023). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-266-283
23. Мельков А. С., Никольский Е. В. Грешница или святая: образ королевы Марии Стюарт в произведениях Фридриха Шиллера, Юлиуша Словацкого и Стефана Цвейга // *Studia Humanitatis*. Международный электронный научный журнал. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://st-hum.ru/print/496> (10.08.2023). DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00002
24. Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. Paris: YMCA-press, 1980. 564 с. (1-е изд. — 1947).
25. Нечаева В. С. Ранний Достоевский: 1821–1849. М.: Наука, 1979. 287 с.
26. Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография / Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров, Н. А. Тихомирова. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 260 с.
27. Сараскина Л. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 2011. 825 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биографий; вып. 1320.)
28. Случевский К. Достоевский (очеркъ жизни и дѣятельности). СПб.: Тип. брат. Пантелевыхъ, 1889. 43 с.
29. Тихомиров Б. Н. Достоевский и его персонажи в театральных креслах, на концертах и в увеселительных заведениях. 1837–1849 (из материалов к энциклопедическому справочнику «Петербург Достоевского») // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 4. С. 5–56 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576759422.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4241
30. Фокин П. Е. Молодой Достоевский в воспоминаниях А. Е. Ризенкампа (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. 2019. № 1. С. 28–45 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980329.pdf (10.08.2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821
31. Цвейг С. Мария Стюарт / пер. Р. Гальпериной // Цвейг С. Собр. соч.: в 7 т. М.: Правда, 1963. Т. 4. С. 3–392.
32. Цвейг С. Три мастера: [Бальзак, Диккенс, Достоевский] / пер. П. Бернштейна, под ред. С. Бернштейна // Цвейг С. Три мастера. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. М.: Республика, 1992. С. 62–156.
33. Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» / публ. и введение А. В. Тоичкиной, В. В. Янцена, пер. с нем. С. П. Кравца, В. В. Янцена // *Достоевский. Материалы и исследования*. СПб.: Наука, 2010. Т. 19. С. 16–57.
34. Юрьев М. Мария Стюарт и письма шкатулки // Юрьев М. <Морозов М. А.> Спорные вопросы западноевропейской исторической науки. М.: Издание книжного магазина Гросман и Кнебель; Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1894. С. 7–80.
35. Lyngstad A. Dostoevskij and Schiller. The Hague and Paris: Mouton, 1975. 126 p.

References

1. Alekseev M. P. About the Dramatic Experiments of Dostoevsky. In: *Tvorchestvo Dostoevskogo. 1821–1881–1921: sbornik statey i materialov* [The Works of Dostoevsky. 1821–1881–1921: Collection of Articles and Materials]. Odessa, Vseukrainskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1921, pp. 41–62. (In Russ.)
2. Bem A. L. *Issledovaniya. Pis'ma o literature* [Research. Letters on Literature]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 448 p. (In Russ.)
3. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii, nauchnoe opisanie* [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
4. Bityugova I. A. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, vol. 28, book 1, pp. 394–451. (In Russ.)
5. Vil'mont N. *Dostoevskiy i Shiller: zametki russkogo germanista* [Dostoevsky and Schiller: Notes of a Russian Germanist]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1984. 280 p. (In Russ.)
6. Volgin I. L. *Rodit'sya v Rossii. Dostoevskiy: nachalo nachal* [Born in Russia. Dostoevsky: The Beginning of the Beginning]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 749 p. (In Russ.)
7. Gay Dzh. "Moe serdtse prinadlezhit mne": zhizn' i sud'ba Marii Styuart ["My Heart Belongs to Me": The Life and Fate of Mary Stuart]. Moscow, Kolibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2021. 704 p. (In Russ.)
8. Gerik Kh.-Yu. Dostoevsky and Schiller. Preliminary Experience of Poetological Comparison. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. 19, pp. 5–15. (In Russ.)
9. Gozenpud A. A. *Dostoevskiy i muzykal'no-teatral'noe iskusstvo* [Dostoevsky and Musical and Theatrical Art]. Leningrad, Sovetskii kompozitor Publ., 1981. 224 p. (In Russ.)
10. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1965. 608 p. (The Life of Wonderful People. Biography Series; Issue 4 (357).) (In Russ.)
11. Грэм P. *Mariya Styuart* [Mary Stuart]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010. 396 p. (The Life of Wonderful People. Biography Series; Issue 1483 (1283).) (In Russ.)
12. Dmitrieva E. E. Victor Euphémion Philarète Chasles. In: *Voprosy literatury*, 2015, no. 4, pp. 256–269. Available at: <https://voplit.ru/article/viktor-efemion-filaret-shal/> (accessed on October 10, 2023). (In Russ.)
13. Zagidullina M. V. Unrealized Artistic Ideas. Mary Stuart. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Works, Letters, Documents: Word Reference]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 308–309. (In Russ.)
14. Zagustina I. V. Classification of Female Images in F. Schiller's Dramaturgy in the European Scientists' Researches of the 20th Century. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2019, vol. 12, issue 6, pp. 88–91. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2019/6/19.html> (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.30853/filnauki.2019.6.19 (In Russ.)
15. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. What Did Dostoevsky's Archive of the 1840s Disappear? In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. Moscow, 2014, no. 3, pp. 287–296. (In Russ.)
17. *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra: v 7 tomakh* [The History of the Russian Drama Theater: in 7 Vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, vol. 3: 1826–1845. 351 p. (In Russ.)

18. Kirpotin V. *Molodoy Dostoevskiy* [Young Dostoevsky]. Moscow, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv Publ., Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1947. 376 p. (In Russ.)
19. Krinitsyn A. B. Dostoevsky and Schiller. In: *Krinitsyn A. B. O schast'e i radosti v mire Dostoevskogo* [Krinitsyn A. B. About Happiness and Joy in the World of Dostoevsky]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2022, pp. 115–239. (In Russ.)
20. Kudryasheva N. V. Alexandra Mikhailovna Kolosova-Karatygina. In: *Syuzhety Aleksandrinskoy stseny: rasskazy ob akterakh* [Plots of the Alexandrinsky Stage: Stories About the Actors]. St. Petersburg, Baltiyskie sezony Publ., 2006, pp. 7–30. (In Russ.)
21. Lysenkova E. I. Aspects of the Problem of Schiller in the Works of F. M. Dostoevsky (“Poor People”, “Humiliated and Insulted”). In: *Studia culturae*, 2014, issue 21, pp. 147–154. Available at: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/view/361> (accessed on October 10, 2023). (In Russ.)
22. Makarov A. N., Kirichuk E. V. Image of Mary Stuart in Tragedies of C. H. Spiess and F. Schiller. In: *Nauchnyy dialog*, 2020, no. 7, pp. 266–283. Available at: <https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/1731> (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-266-283 (In Russ.)
23. Mel'kov A. S., Nikol'skiy E. V. A Sinner or a Saint: the Image of Mary, Queen of Scots in the Works of Friedrich Schiller, Juliusz Slowacki and Stefan Zweig. In: *Studia Humanitatis*, 2017, no. 1. Available at: <https://st-hum.ru/print/496> (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00002 (In Russ.)
24. Mochul'skiy K. *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [Dostoevsky. Life and Works]. Paris, Ymca-Press Publ., 1980. 564 p. (1st Edition — 1947). (In Russ.)
25. Nechaeva V. S. *Ranniy Dostoevskiy: 1821–1849* [Early Dostoevsky: 1821–1849]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 287 p. (In Russ.)
26. *Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoy biografii F. M. Dostoevskogo* [New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 260 p. (In Russ.)
27. Saraskina L. I. *Dostoevskiy*. Molodaya gvardiya Publ., 2011. 825 p. (The Life of Wonderful People: Biography Series; Issue 1320.) (In Russ.)
28. Sluchevskiy K. *Dostoevskiy (ocherk zhizni i deyatel'nosti)* [Dostoevsky (Essay of Life and Works)]. St. Petersburg, Tipografiya brat'ev Panteleevykh Publ., 1889. 43 p. (In Russ.)
29. Tikhomirov B. N. Dostoevsky and His Characters in Theatre Chairs, at Concerts and in Amusement Facilities, 1837–1849 (from the Materials for the Encyclopedic Reference Book “Petersburg of Dostoevsky”). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 4, pp. 5–56. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576759422.pdf (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4241 (In Russ.)
30. Fokin P. E. The Young Dostoevsky in Memory of A. E. Riesenkampf (Based on the Materials of the Manuscript Department of the Russian Literature History State Museum Named After V. I. Dahl). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 1, pp. 28–45. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1554980329.pdf (accessed on October 10, 2023). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3821 (In Russ.)
31. Zweig S. Mary Stuart. In: *Zweig S. Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [Zweig S. Collected Works: in 7 Vols]. Moscow, Pravda Publ., 1963, vol. 4, pp. 3–392. (In Russ.)

32. Zweig S. Three Masters: Balzac, Dickens, Dostoevsky. In: *Zweig S. Tri mastera. Triumf i tragediya Erasma Rotterdamskogo* [Zweig S. *Three Masters. The Triumph and Tragedy of Erasmus of Rotterdam*]. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 62–156. (In Russ.)
33. Chizhevskiy D. I. Schiller and "The Brothers Karamazov". In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. *Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, vol. 19, pp. 16–57. (In Russ.)
34. Yur'ev M. Mary Stuart and the Letters Box. In: *Yur'ev M. <Morozov M. A.> Spornye voprosy zapadnoevropeyskoy istoricheskoy nauki* [Yuriev M. <Morozov M. A.> *Controversial Issues of Western European Historical Science*]. Moscow, Izdanie knizhnogo magazina Grosman i Knebel' Publ., Tovarishchestvo skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1894, pp. 7–80. (In Russ.)
35. Lyngstad A. Dostoevsky and Schiller. The Hague, Paris, Mouton Publ., 1975. 126 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Викторович Владимир Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Российская Федерация, 140410); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9576-9522>; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Vladimir A. Viktorovich, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Literature, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, 140410, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9576-9522>; e-mail: VA_Viktorovich@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.08.2023

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.10.2023

Принята к публикации / Accepted 18.10.2023

Дата публикации / Date of publication 10.12.2023